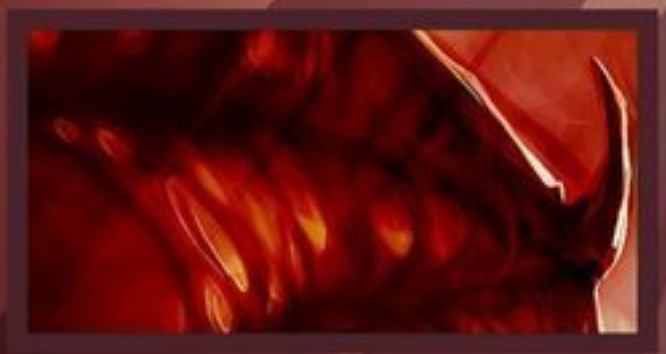
Конкурс фантастики
«КВАЗАР»

ИЗБРАННЫЕ

Тёмное фэнтези
и хоррор



«Крови»
2016

Конкурс Квазар

Алексей Жарков

Избранные. Тёмное фэнтези и хоррор

«Издательские решения»

Жарков А.

Избранные. Тёмное фэнтези и хоррор / А. Жарков — «Издательские решения», — (Конкурс Квазар)

ISBN 978-5-44-838670-1

Состав сборников «Избранные» определяется тайным голосованием среди участников открытых конкурсов фантастики, проводимых на площадке «Квазар». Каждый выпуск в серии формируется по итогам одного из таких тематических конкурсов, здесь вы найдёте рассказы, написанные как молодыми, так и опытными авторами, и признанные большинством читателей наиболее примечательными среди прочих. Книги серии характерны и наполнены увлекательными историями, способными как следует разнообразить ваш литературный досуг.

ISBN 978-5-44-838670-1

© Жарков А.
© Издательские решения

Содержание

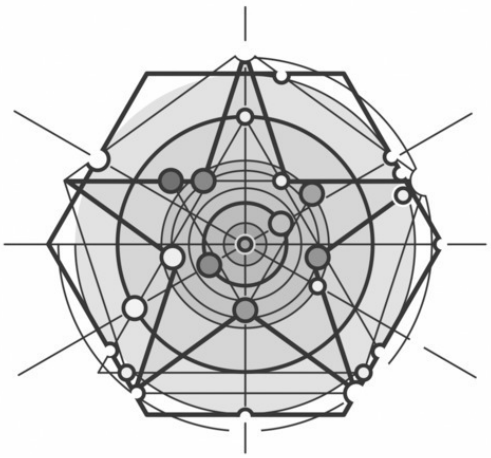
Звериное небо 6
Крест отца 17
Полдень 30
Запретное искусство 37
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Избранные
Тёмное фэнтези и хоррор

Составитель Алексей Жарков
Иллюстратор Александр Павлов
Дизайнер обложки Алексей Жарков

© Александр Павлов, иллюстрации, 2017
© Алексей Жарков, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4483-8670-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero



Звериное небо
Сергей Королев

«Говорят, с давних пор поселился на небе зверь. Не ведают только, со звёзд он спустился или с земли поднялся. Чудной то зверь. Навис над нашими краями тучей пятнистой. И конца-края того зверя не видать. Ни головы, ни конечностей. Только брюхо тёмное, цвета ржаного хлеба. И куда на небо не посмотри, везде он.

Отправили гонцов во все стороны. Долго они скакали, а неба чистого не увидели. Повсюду зверь, заменил нашим краям сияние солнца, выставил брюхо проклятое на показ людям.

И, что самое страшное, зверь этот всё ближе к земле опускается. Молва пошла, что питается он человеческими эмоциями. Страхом, злостью. Отчаянием. И чем ближе его брюхо к нам, тем ему еды больше. И близок тот час, когда придавит зверь нашего брата своим телом огромным…»

«Исповеди старожил»

I.

– Глупый ты, глупый, – засмеялась Мила. – Говорю тебе, это дракон! Вот же у него голова, а там хвост!

– Да где же дракон? – всё больше злился Эрил. – У него крыльев нет, дурёха! Хвост есть, и грива тоже! Лев это!

Маленькая сестра, которой не так давно минуло пять зим, надулась. Шмыгнула носом, пнула камешек у ворот.

– Буду его драконом называть, всё равно.

Эрил, старший брат, разменявший уже десятую зиму, вздохнул. Велел сестре в дом идти. Сам взял пустые вёдра, глянул украдкой на небо, где всю его жизнь только и виднелось брюхо зверя неведомого, грязными пятнами, словно островками, усыпанное. Да нет же, и не лев, и не дракон. Пиявка, самая натуральная. Такое тело бесформенное только у неё может быть.

Так и шёл, голову задрав, не заметил ямы на пути. Споткнулся, вёдра уронил. Хорошо, что пустые. Вокруг шумела деревня, гудела сотней голосов. Люди, кто повозки доверху нагружал, к дороге готовился, кто всё добро в подпол стаскивал, надеясь там спасение найти. А на улице темень, будто сумерки упали. Не могут лучи солнечные сквозь зверя треклятого к людям добраться. Так и живут вторую зиму в потёмках.

А брюхо пятнистое всё ниже и ниже. Вчера ещё над деревьями нависало тучей необъятной. Верхушка башни сторожевой скребла шкуру его. А сегодня проснулись от грохота лютого. Обрушилась башня, зверь её телом своим надломил.

Эрил брёл, гадал, что же будет, когда землю придавит тварь неведомая, не заметил совсем, как сестра за ним увязалась. Вдоль заборов кралась, в кустах пряталась. А перед самым ручьём выскочила:

– Попался, лев! Я дракон, сожгу тебя!

– Какой ты дракон, – фыркнул брат, – скорее лягушка приставучая! Мама всыпит за то, что из дома убежала.

Мила кинула в него камнем, но Эрил увернулся ловко.

– Скучно дома! Отец не выходит из подпола, матушка всё хлопочет, еду готовит! И поиграть не с кем, все почти ушли из деревни, а кто не ушёл, прячутся. И почему родители отказались в церковном подземелье переждать? Там ребята и взрослые. Еды больше.

– Боятся, – вздохнул брат, – что еда закончится, и люди начнут друг друга есть. И детей первыми…

– А мы бы много каши приготовили, надолго бы хватило! – бросила вызов сестра.

Но брат не повёлся.

– Ты бы маме помогала, тогда бы больше еды было, – заметил он. – Чую, долго нам сидеть под землёй. Пока зверь и там не придавит.

Мила испугалась, зашептала:

– Думаешь, он так и будет расти? И не спастись нам от него?

– Не знаю, – пожал плечами брат. У ручья народу – не протолкнуться. Пришлось в очереди стоять. – Говорят, пробовали его брюхо из пушки пробить. Отлили ядро. Огромное, в сотню локтей. Выстрелили, а ядро отскочило, и по земле – ба-бах!

Он щёлкнул сестру по носу.

– А ещё гарпуном пытались зверя проткнуть. До того острым, что много смельчаков без пальцев остались, пока его мастерили.

Подошла очередь. Эрил зачерпнул вёдра, ополоснул лицо. В мутном отражении казалось, что тёмное брюхо плывет, скользит, подобно гигантскому червю. Неуютно стало, захотелось спрятаться. Под землю. Чем глубже, тем лучше.

– Ну? – требовательно спросила сестра. – Что с гарпуном-то стало?

– А?

Эрил отвлёкся, увидев, как мимо проезжает повозка их соседей, Лютичей. Лошадью понукал отец, на задах сидела жена его, с сынишкой маленьким. До чего же странно. Вчера же ещё они яму рыли в подполе, чтобы глубже схорониться. Не верили, что можно убежать и найти места, где нет зверя над головой. А сейчас уезжают. И старшего сына, Вито, с ними почему-то нет. Странно, куда подевался?

Мила толкнула брата. Ведро в руке качнулось.

– Не дури, – проворчал Эрил.

– Что с гарпуном-то сделалось? – не унималась сестра.

– Запустили его, вот чего. Проткнул он брюхо зверю, а оттуда дождь из пиявок обрушился. И все зубастые, голодные. Пожрали целый город за один день. И расползлись в разные стороны.

Мила побледнела, схватила брата за рубаху.

– И они до сих пор живы, пиявки эти?

– А то! – Эрил смекнул, что девочка повелась. – Ползают по деревням, людей пожирают.

Пересолил, похоже. Мила задрожала, как лист на ветру, сильнее в рубаху его вцепилась.

– Я видела, я знаю! У нас в подполе одна пиявка живёт! В углу! В темноте её не видать, но я чувствую, она там лежит, шевелится! Скользкая! И большая, как телёнок.

Надо расхлёбывать кашу, понял Эрил. Иначе сестра устроит истерику.

– Не может пиявки быть в подполе. Она бы не добралась до нас. Тот город далеко был! Через полсвета она бы сюда не приползла!

Но Мила, как всегда, заупрямилась.

– Приползла! Приползла! И сидит там, и ждёт, чтобы нас съесть!

– Неправда, – вздохнул брат, опустил вёдра на землю, чтобы передохнуть. – Отец же там день и ночь работает, его она не съела.

– А вдруг слопала и теперь им прикидывается? А вдруг?

Эрил сообразил, наконец, что лучше молчать, чем спорить. Мила быстро успокоится, если он не будет ей возражать.

Чудно, ещё час назад брюхо зверя не доставало до верхушек деревьев за огородами. А сейчас, если прислушаться, слышно, как трещат ветки на самой границе деревни. Будто там невидимый дровосек топором орудует, работу зверю облегчает. И красиво, и страшно. Больно представить, что скоро совсем не станет деревни, не станет их домика на пригорке, и шалаша у забора, где они с сестрой часто по ночам друг друга пугали. И всего мира, может, не станет. Только зверь один на всём свете останется. А они, как жуки огромные, под землёй будут ютиться. Пока еда есть. А закончится, их тоже не станет.

Грустно, противно стало от этих мыслей. Сердце защемило, глаза начало щипать. С трудом Эрил проглотил горький комок в горле, подхватил вёдра, зашагал к дому. Столько всего надо успеть, заготовить к подземной жизни. Спрятать вещи дорогие от зверя проклятого. Попрощаться со всеми.

Мальчик спохватился вдруг. А с кем прощаться? Все же почти уехали. Остались старики, да несколько бедных семей, у которых лошадей нет. Так он брёл и думал, и не сразу почувствовал, что сестра его за штанину дёргает.

– А, может, пиявку огнем сжечь? Напугать, она сама убежит?

– Чего? – Эрил будто вынырнул из сна беспокойного. – Зачем огонь? Ты маску свою надень, ту, что с клыками. Пиявка тебя испугается, не станет трогать.

Мила что-то ещё говорила. Про то, что в подполе можно прорыть нору. И в подземную страну попасть, где живут гномы. С ними поселиться и не бояться никакого зверя. Эрил её не слушал. Издалека он завидел, что у ворот дома стоят отец с матушкой.

– Вот вы где? – хором закричали они. – Мила! Куда убежала?

– Я с братом, на ручей, – пролепетала сестра.

– Дома сидеть! – рявкнул отец. – Никуда не ходить! У Лютичей старший давеча полез за огороды, на болото! И утонул!

Слова, будто стебли крапивы, всё нутро обожгли.

– Как утонул? – изумился Эрил. – Я же утром с ним ещё виделся.

– Так утонул, – подхватила матушка. – Коза у них убежала на болото, он за ней! Увяз, говорят, кричал! А никто не услышал! Спохватились, его и нет уже! Только сапог на берегу лежит!

И воздух словно загустел. Дышать стало трудно. Эрил с трудом вёдра поставил, прислонился к воротам. Хотел заплакать, и не мог. Не было слёз.

– Это потому что они уехать решились, вот и наказал их бог, – проворчал отец. – Говорил же, оставайтесь!

– Да нас всех бог сполна наказал, когда тварь эту к нам спустил, – матушка глянула наверх, тут же опустила глаза, словно боясь, что зверь услышит и накажет.

Вспомнились Эрилу лица Лютичей. Спокойные, безжизненные, будто маски глиняные. Не могут так родители смерть сына принять спокойно. Значит, не умер. Не умер!

– А как же бабка их? – запищала сестра. – Рожна? Они её оставили?

– Оставили, – кивнул отец. – Она своё пожила, ей умереть не страшно, пусть раньше срока. А им только мешать будет. Хотя, даже без неё…

Он осёкся, замолчал, увидев слезы на лице Милы. Помрачнел, притянул её к себе:

– Главное, что мы живы. Запомните. И друг друга беречь надо. От них, – махнул рукой в сторону воришек, что уже по чужим домам шарились, – и от него, – на брюхо зверя показал.

Так и стояли они, не зная, утро сейчас или вечер, а люди торопились на восток, где, по слухам, не было зверя. Казалось, умирала деревня. И только ветер кружил пыль на улицах, и заборы гнулись под его свирепым натиском.

– Идём, – нарушила молчание матушка. – Много ещё работы. Сегодня в подполе будем спать. В любой момент зверь может придавить.

Эрил подхватил вёдра. Кивнул домам брошенным, будто прощаясь заранее. И во двор пошёл.

А на границе деревни рухнуло дерево. Сначала одно, за ним второе. И третье…

II.

Эрил не сразу понял, что его разбудило. Поднял голову, стряхивая, будто паутину, остатки сна. Всю ночь кошмары докучали, не давали спать спокойно. Снилось, как брюхо зверя разверзалось над деревней, и существа из него сыпались. Чёрные, скользкие. С руками длинными, зубами острыми. В каждый дом, каждый подпол забирались, и рвали там людей уцелевших на части, на лоскуты кровавые…

Вот, снова! Что за звук? Блеянье? Коза? Не может быть! Утонула же в болоте! Нет, неправда! Ходит сейчас по улице, кричит жалобно. Потеряла хозяев, понять ничего не может.

Мальчик поднялся с лежанки. А что, если её к себе забрать? Будет молоко давать. Сестра любит молоко. Все его любят. А не станет еды, можно на мясо козу пустить. Только поймать её надо, привести.

Он оглянулся. Родители спали в дальнем углу. Матушка дышала ровно, а отец сопел беспокойно.

Мила ворочалась во сне, отбивалась от кого-то. От грязной лампы по стенам тянулись бесформенные тени. Плясали, будто праздновали чего. На стенах висели вязанки чеснока, лука и разных трав. В потёмках все они походили на дивные щупальца, что росли прямо из земли.

Думал Эрил, так и ничего не решил. Разбудить родителей? Сказать про козу? Не пустят же, и сами не пойдут. А если он, пока спят, один всё сделает? Отец похвалит, сестра знать будет, что брат у неё храбрый. И не боится всяких там пиявок.

Осторожно, чтобы не шуметь, прокрался к дверям. Прислушался. Ветер гудел, коза блеяла. И точно плакал кто. Эрил отодвинул верхнюю задвижку. Помедлил, и нижнюю отодвинул. Оглянулся на спящих.

– Я быстро, – пообещал зачем-то. Отворил дверь. Выглянул наружу.

Умерла деревня совсем. Дома пустыми чёрными глазницами смотрели на него, словно на добычу. Холодно стало. Боязно. А брюхо-то, брюхо над головой! Эрил ахнул от изумления. Будто тесто оно, которое из тазика вывалилось, и всё разрастается. Уже крыши домов скребёт. Скрипит черепица под его весом.

Коза, как назло затихла. Где же она? Верно, у Лютичей по двору ходит. Мальчик прикрыл дверь, серой тенью побежал от своего дома к соседскому. Калитка, с петель сорванная, лежала у дороги. Внутри, у крыльца, одежда рваная пестрела повсюду. И тут, видать, поживились воришки. Да где же эта животина крикливая?

Не было её во дворе. Неужто, в дом забежала? Эрил поежился, глянул в утробу тёмную, где сундуки с вёдрами стояли. Сжал зубы покрепче, чтобы не дрожали, шагнул вперёд. Уже когда вошёл, пожалел, что оружия с собой не взял. Вдруг воришки? Нет, убежали, наверное, схоронились под землёй.

– Коза? – позвал Эрил. Голос казался чужим, хриплым. Каким-то старческим. – Коза?

Стук копыт, звон колокольчика. В комнате она! В комнате… Там, где бабка Рожна лежит, роднёй брошенная. Живая ещё?

Он раздвинул шторы цветастые, заглянул в бабкины покои. У стены кровать высилась. Одеяла и простыни, точно гребни пенные, на кровати топорщились. А бабки и нет. Знать, увел её в церковь кто-то из деревенских.

А вот и коза! Сидит в углу, язык показывает. Верёвка на шее болтается, вся шерсть в репье колючем. Не утонула, значит. Тогда и Вито…

Загрохотало над головой. Пошёл трещинами потолок. Зверь проклятый! Уже и дома своим брюхом рушит! Эрил подскочил к козе, схватил верёвку, потянул за собой.

Не хочет идти, рогатая. Упрямится. Ну же, ну! Мальчик обхватил её за шею, силой поволок. Упёрлась, заблеяла. Ненормальная.

И тут шевельнулось что-то под кроватью. Вздохнуло, втянуло воздух со свистом. Эрил так и обомлел, даже козу выпустил. Какая-то чёрная скользкая тварь глядела на него из темноты глазами желтыми. Скрипнули доски, показались лапы мохнатые, с когтями заострёнными. Пахнуло смрадом и гнилью. И даже не почувствовал Эрил, как по штанине тёплая струя потекла…

– Вот ты где, чертёнок, – злой отец вихрем влетел в комнату. Схватил его за грудки, тряхнул, будто куклу. – Сказано было, наружу ни ногой! Сказано!

– Я козу, – залепетал Эрил, – козу хотел…

– Я вас вместе с козой высеку, – закричал отец, брызжа слюной. – Марш обратно!

Будто пушинку, подхватил козу, вытолкнул мальчика из комнаты, даже на кровать не оглянулся. Не почуял тварь чёрную.

Выскочили во двор. Крыша позади охнула жалобно, просела под зверем.

– Бегом! – подгонял отец. – Бегом! Всеку! Всеку паршивцу!

От брюха, что над головой нависло, шёл жар необычный. И звук противный, на стрёкот кузнечиков похожий. И чудилось, что не зверь это, а дверца огромной печи. Того и гляди откроется, засыплет горящими углями.

От этого в животе совсем холодно стало, скрутило кишки в узел. Скорее, скорее в подпол! Вот уже и дверь в земле, и матушка смотрит из темноты, в руке нож сжимая. Отец бросил козу к её ногам:

– Ну, пошла! И ты, проклятый иди…

Замолчал, обернулся к дому Лютичей. Открыл рот, побледнел.

– Слышите? – проговорил он испуганно. – Слышите? Ребёнок кричит! Зовёт на помощь!

Эрил обратился в слух. Рушились самые высокие крыши, плакал ветер. Одинокая калитка хлопала на ветру. Никакого крика. Никто не звал на помощь.

– Вито, – прохрипел отец. – Это же Вито кричит! Тоже живой! Внутрь бегом! Я приведу мальчишку.

Сам того не понимая, Эрил схватил отца за руку. Прошептал:

– Не ходи! Не ходи туда! Там пиявка! Убьёт тебя!

Отец с размаху ударил его по лицу. Левую щеку обожгло, перед глазами красные точки заплясали. Слёзы горячие брызнули из глаз. Матушка взяла Эрила за плечи, утянула внутрь.

– Ну же, не плачь. Не надо. Обошлось всё, обошлось. Сейчас отец приведёт Вито, и вместе схоронимся, и будем ждать, когда зверь уберётся…

Слова её казались слабым шелестом. А слёзы текли и текли, жгло щёку, щипало глаза.

– Да нету Вито, нету! Вместо него пиявка! Съела его! И отца съест! А потом приползёт сюда и нас съест! Весь мир съест!

Матушка охнула, занесла уже руку, но не ударила. Не посмела. Сестра спряталась за вязанку дров, там и рыдала. Эрил чувствовал, как закипает внутри ярость. Ослепительная, всё вокруг пожирающая. Думал уже схватить нож, и к отцу на выручку бежать. Но тут мелькнула тень в дверном проёме.

– Привёл, – довольно промычал отец. – Успел!

В подпол вошёл Вито, грязный, взлохмаченный. Мокрый, будто только из болота. Но спокойный. И глаза у него были чёрные. Точно и не глаза вовсе, а два провала, две чёрных глотки неведомых пиявок…

Вито ни слова не сказал. Сел на землю. Закрыл лицо руками.

– Устал? – спросил у него отец, запирая двери. – Ничего, сейчас вымоем, накормим. С нами не пропадёшь.

Не пропадёт. А вот они с ним…

Отец закрыл сначала нижнюю, потом верхнюю задвижку. Пощупал дверь. Обернулся. Выдохнул, вытер пот со лба.

Прямо над головами затрещало. Обвалилась крыша, зазвенели черепки на кухне.

Рушился их дом. Рушилась прежняя жизнь.

III.

– Ты не бойся того, что снаружи, – наставлял отец, пока Мила грызла чёрствую булку. – Страхи все, они же в нас, внутри сидят. Главное их перебороть. Тогда, считай, и снаружи весь мир победила.

– А пиявка может внутри сидеть? – спросила вдруг сестра.

Отец нахмурился.

– Страх твой и есть пиявка, силы сосёт, заставляет всего вокруг бояться. Ты эту подлюгу без еды оставь, она быстро издохнет.

Мила откусывала хлеб понемногу и кивала, будто болванчик. Матушка всё хлопотала, переставляла корзины, перебирала вещи. Лишь бы не сидеть без дела. Вито больше лежал, от всех отвернувшись. По родным тосковал. Сам же Эрил почти не ел, кусок не лез в горло.

Не покидало его странное чувство, что кроме них есть кто-то ещё в подполе. Большой и невидимый. Ходит кругами, дышит тяжело, но облик свой не показывает. Выжидает.

Пока другие спали, Эрил со стены головку чеснока стянул. На зубчики разделил, по карманам разложил. Кто-то из стариков в деревне говаривал, что нечисть запаха чесночного боится. Вдруг и пиявка поганая тоже испугается? Мальчик сам чесноком вооружился, потом и сестре пару зубчиков подсунул. Соврал, что они страх отгоняют. Украдкой и Вито чесночные дольки подсовывал. Тот даже носом не повёл. Похоже, глубоко в нём пиявка устроилась, не показывалась наружу. Эрил был уверен, рано или поздно она появится. И тогда он будет готов.

Коза совсем молока не давала. Матушка к ней и так, и этак подступалась. Всё одно, животина глядела на неё тоскливо, блеяла жалобно. А молока – ни капли.

– Никак испортилась, – вздыхала матушка.

Отец угрюмо добавлял, что теперь на свете проклятом всё испортилось. Обязательно к дверям подходил, прислушивался. А по ту сторону тишина, словно весь мир исчез. И казалось, что сами они давно в утробе зверя находятся. Того и гляди их переваривать начнёт.

Эрил пробовал считать, сколько ночей они уже под землёй провели, сколько раз спать укладывались. Получилось пять. Или шесть?

Мила, у которой из игрушек была только кукла деревянная, да маска уродливая, часто докучала, просила рассказать небылиц.

– Вот ты меня будешь страшными сказками пугать, – храбрилась она, – а я не испугаюсь! Я свою пиявку победила! Вот так!

Брат от неё чаще отмахивался, не было желания. Но даже ему порой становилось скучно.

– Ты же знаешь, что шкура у этого зверя, она волшебная, – шептал мальчик, садясь возле лампы. Дрожащее пламя внутри неё извивалось чудной змейкой, будто ужалить пыта-

лось. – И волшебство по-разному проявляется. В одном городе люди на гору взобрались, потрогали шкуру зверя и в камень обратились.

Мила фыркнула, заявила, что это совсем глупости.

– А в другом городе, и это чистая правда, люди долго на брюхо зверя смотрели, и в тварей злобных превращались. Шерстью обрастали, друг друга поедали. По ночам на крыши забирались и выли, выли, глядя на зверя!

Раздался шорох. Вито, поднявшись с лежанки, протёр глаза.

– И не страшно вовсе, – ответила Мила. – Говорю же, я свою пиявку победила.

– А ты слышала, – прохрипел Вито со своего места, – что зверь этот старить может?

– Это как? – не поняла сестра, глазами захлопала.

– Вот жар от него идёт сильный, как из печки, это он тебя старит! За пару дней в старуху превратишься, морщинами покроешься. Будешь, как дерево гнилое. Не заметишь, вся ссохнешься, только кожа и кости останутся.

Странный голос был у Вито. Будто кто чужой внутри него сидел и говорил, заставляя его губами шевелить.

– Или про дождь червивый слышала? Нет? Вот я расскажу. Сыпется с брюха звериного шелуха. Как земли или человека коснётся, личинкой жирной оборачивается. Заползает в ухо и там яйца откладывает. И через семь ночей эти личинки по тебе расползаются, проедают все внутренности! Превращают их в тоннели! И ползают там, новые яйца откладывают!

Тут сестра не выдержала, закричала. Подскочила матушка, принялась её успокаивать, та ни в какую, давай твердить, что внутри неё личинки, и надо их выгнать. Насилу её успокоили. А Вито бровью даже не повёл, отвернулся, снова затих.

– Дурак, – прошипел ему Эрил. – Дурак, тараканами дохлыми набитый.

Матушка шикнула на сына. Эрил разозлился, ушёл в дальний угол, к козе. Та совсем ослабла, на ноги не вставала. Но хотя бы глупостей не делала. Матушка начала рядом с Вито хлопотать, что-то ему говорила, лоб трогала. Причитала, что горячий весь, надо жар сбивать, иначе загубит лихорадка. Отец рядом с Эрилом присел, стал жизни учить. Наставлять, мол, ссориться нехорошо, надобно вместе держаться, тогда и проживут дольше.

Мальчик не слушал его. Думал о своём, о том, что снаружи творится. Представлял, как зверь ослабеет, истончится весь, а жаркое солнце его высушит, да прах по свету разнесёт. И тогда они снова смогут на небо смотреть, светлому дню радоваться. Новый дом отстроят, ещё больше и краше. И у каждого будет комната отдельная. В своей Эрил будет оружие изготавливать, ножи точить, наконечники для стрел мастерить. И самым богатым станет в деревне. Много денег будет у него, сможет и корову купить родителям, и сестру в городе выучить. А сам? Сам невесту найдёт, первую красавицу, и детей у них много родится, и все ему помогать станут.

Замечтался, не заметил, как уснул. Когда совсем озяб, к себе на лежанку перебрался. Не увидел, с какой тоской ему коза вслед смотрела. Рядом сестра пыхтела, зачем-то маску свою клыкастую надела. И снять не могла. Или не было всего этого? И приснилась ему подобная чепуха?

И как ходил кто-то в подполе, тоже приснилось. Бродил из угла в угол, вздыхал тоскливо, и сотрясалось всё от его шагов, и дыхание его казалось ледяным, мёртвым. И, самое страшное, невидим был гость, только шаги, только дыхание. А после…

После кто-то принялся по потолку бегать. Быстро, быстро. Пробежит, хихикнет. И обратно. И взглянуть страшно, вдруг заметит? Спрыгнет, вцепится и глаза выцарапает! Нет, нет!

Так и лежал он, слушая, как беснуются внутри невидимые гости, как скребётся во всех углах тёмное нечто. И шевельнуться боялся, чтобы самого не сцапали. И, вроде, начали

страхи отступать, уходить за какую-то незримую границу восприятия. И снова провалился Эрил в липкую и горячую яму, забылся тревожным сном.

Но тут кто-то постучал в закрытую дверь.

Мальчик подскочил, как ужаленный. Вытянулся струной, того и гляди, внутри всё зазвенит. Неужто показалось?

И снова стук, частый, громкий. Чудилось, стоит по другую сторону человек раненый, которого чудовище преследует, нависает смертельной тенью. А он, загнанный в ловушку, стучит, просит его внутрь пустить!

Не может быть! Там же брюхо звериное! Наверняка уже до самой земли провисло и давит на неё своей утробой необъятной! Тогда кто? Кто может стучать снаружи?

Снова удары, от них задрожали крепкие доски, задвижки скрипнули угрожающе! И хоть бы закричал гость или слово молвил, чтобы убедиться – снаружи живой человек!

– Кто там? – спросил Эрил боязливо. – Кто ты? Что тебе надо?

Тишина. Хрупкая. Тронь, рассыпается на осколки. И снова стук, будто неведомые силачи ствол берёзы в руки взяли и долбят им в дверь.

– Кто ты? – вскричал напуганный Эрил. – Чего ты хочешь?

Ни слова гость по ту сторону не сказал. Ударился в дверь. Раз, другой, третий!

В ужасе мальчик к родителям подскочил. Начал отца за плечи трясти.

– Вставайте! Скорее! Там в двери кто-то стучит! Войти пытается!

А отец, будто неживой. Не дышит, не отзывается. И страх скользкой змеёй опутал сердце Эрила, сжал его изо всех сил. Повернул мальчик отца на спину. И чуть не завопил.

Не было лиц у родителей. Только провалы чёрные. Будто кто лица их содрал, вскрыл черепа, все внутренности высосал, оставил пустоту. И страх.

И стук снаружи прекратился.

И, скрипнув, отворилась дверь.

IV.

– Вито! Не надо! – умолял Эрил. – Вито!

Не слушал его друг. Только шипел, подобно змее:

– Родители думали, если меня пиявке оставить, то зверь их отпустит! Даст убежать! А он обманул их! Пиявка есть меня не стала! Не стала! А теперь родители – там…

Он шире распахнул двери, взвыли тоскливо старые петли. Как заколдованный, смотрел Вито туда, где раньше заборы с деревьями высились. А сейчас только брюхо бесформенное, на тесто коричневое похожее. Толчками быстрыми начало оно внутрь просачиваться, заполнять подпол жаром и смрадом невыносимым.

– Вито! – закричал Эрил. – Не трогай! Не вздумай!

Поздно. Обезумел друг, болезнь его рассудок помутила. Рванул он вперёд, ударился о брюхо необъятное. Увяз, словно муха в смоле. Завопил, заплакал от боли. А зверина ненасытная уже заглатывала его медленно. Исчезла голова, руки исчезли. Только спина отчаянно дёргалась, противилась своей участи. Но и её быстро засосало. Хлюпнул зверь противно, будто изрыгнул воздух. И дальше пополз, по стенам, по полу, к Эрилу с сестрой подбираясь.

– Что там? Что? – повторяла Мила, крутя головой во все стороны.

– Да сними ты маску свою! – Мальчик схватился за края деревянные, потянул их на себя. Сестра взвыла, будто кожу с неё сдирали.

– Не снимается! Приклеилась! Не могу!

Подобрал Эрил нож. Попробовал им поддеть дерево. Тщетно. Маска сидела, как второе лицо.

– Зачем ты надела её? Зачем? – закричал он на сестру.

Та заплакала, завыла от досады. И страшным был этот вой. Будто старуха причитала скрипучим голосом.

– Сам сказал, чтобы пиявок отогнать! Сам велел её надеть! Сними! Не могу дышать!

Эрил стиснул зубы. Ухватился за маску. Рванул, сколько было сил.

От крика сестры уши заложило. Мила лягнула его ногой, сама упала. Заколотила руками по земле. Эрил вскочил быстро, оглянулся. Всё дальше зверина в подпол заползала. Уже и до стола дотянулась. Что делать? Что?

Схватил лампу, кинул её. Разлетелась на осколки, моргнул огонёк жёлтый и погас. Кинул нож, чтобы лезвием тварь вспороть. Не вышло, ударился тот о брюхо рукоятью деревянной, хлюпнул и исчез, словно не было. Поглотила его тварь, даже не подавилась.

Как котёнка слепого, Эрил взял сестру за шиворот, оттащил в угол дальний. Туда, где коза сидела. Не разглядел поначалу, что с животиной стало. А присмотрелся, так и охнул.

Бутоном кровавым брюхо её было раскрыто. Капала на землю кровь тёмная. Внутренности свисали гроздьями фиолетовыми, вперемешку с чем-то чёрным и липким.

– Вот она, – изумленно прошептал мальчик, – вот в ком пиявка сидела?

Ответом был чавкающий звук за спиной. Заглотила тварь стол обеденный. И всё ближе подбиралась. Сестра дрожала рядом, всхлипывала без конца. Эрил огляделся беспомощно, на родителей мёртвых, на козу убитую. И чуть не вскрикнул.

Яма! Прямо в ногах у отца и матушки! Выбралась пиявка, высосала их лица, а после нору себе вырыла, вниз ушла. Детей не тронула, испугалась, видимо, запаха чесночного. И сбежала. Куда-то вниз теперь путь себе рыла. Только куда?

– Идём! – скомандовал Эрил, взял сестру за руку. – Тут лаз! Вниз полезем! К гномам подземным! – соврал он, чтобы Мила с ним пошла.

– А матушка? А отец как же? – вскричала она, толкнула его.

– Нет их больше! Пиявка съела! Все мозги высосала! Одни мы остались! Одни!

Сам пожалел, что сказал. Затряслась сестра, заплакала громче прежнего.

– Не хочу! Не пойду никуда без матушки! Тут останусь!

– Дура! – закричал на неё брат. – Тебя тварь сожрёт! Она уже Вито съела! И тебя съест, если останешься!

– Пусть ест! Никуда не пойду! Не пойду-у!

Эрил схватил её, потянул к яме. Мила вырвалась, царапнула его длинными ногтями. Мальчик взвыл, отпихнул её.

– С ума сошла? Ты что делаешь!

Зарычала сестра, будто зверь. Будто маска клыкастая стала её личиной, с ума свела сестрёнку маленькую. И мигом вспомнились все истории страшные, что зверь обладает силой таинственной, которая людей в чудищ превращает. И пиявками убивает. И старит.

В ужасе Эрил взглянул на свои руки грязные. И почудилось, будто покрылись они морщинами, пожелтели, как у стариков деревенских.

А тварь уже совсем рядом. Жар от неё нестерпимый, запах хуже помоев. Надо спасаться. Если не с сестрой, то одному хотя бы.

– Я ухожу, – сказал Эрил тихо. – Если не хочешь умереть, за мной ползи!

– Нет! Не уходи! Останься!

Но он её уже не слушал. Подхватил отцовский нож, что рядом лежал. Сиганул в яму. Упал в темноту, ладони расцарапал о корни и камни. Земля тут же за шиворот посыпалась, и в рот, и в глаза.

Делать нечего, пополз вперёд, точно крот слепой, плечами в землю сырую упираясь. Казалось Эрилу, что со всех сторон кто-то челюстями щёлкает, землю раскапывает, да шипит, отплёвывается. Будто сотни других пиявок, или ещё кто похуже, куда-то вниз ходы рыли. Внутренности земли в тоннели земляные превращали.

Долго он пробирался. Руки в кровь разодрал. Шея устала. Глаза от земли сильно болели. А в ушах всё звон стоял, будто по лбу ему колотили молотком.

Уже думал назад повернуть, но вспомнил, как тварь Вито проглотила, как телом смертоносным подпол заполняла. И тогда быстрее пополз.

Вот и в лицо холодком подуло. И мелькнуло что-то впереди. Обрадовался Эрил, заработал руками и ногами. Поскорее бы выбраться, встать в полный рост.

Вывалился он, словно из утробы, грязный, израненный. Упал на холодные камни. От удара звёзды бесчисленные перед глазами высыпали, воздух весь вышел из лёгких.

Моргнул раз, другой. Ртом задышал. Попытался встать. Тело болью пронзило. Но разогнулись ноги. И спина, пусть с трудом. Протёр Эрил глаза рукавом, глянул вдаль. И застыл от ужаса.

Пещера перед ним была. Своды её терялись в вышине, а стены едва угадывались в полутьме. Тут и там зияли дыры. Точь в точь как та, из которой он вывалился. Но не было нигде пиявок проклятущих. Или…

Нечто огромное, чёрное и влажное, высилось посреди пещеры. Шевелилось, словно студень. Разрасталось и разрасталось. Гора живая, с множеством глаз и острых треугольных зубов.

– Нет, – только и прошептал Эрик. – Нет, нет, нет!

Сделал шаг назад, упёрся в стену. Что делать? Обратно ползти?

Послышался шум. Сбоку земля осыпалась, показалось существо, телом на червя похожее. Только больше, гораздо больше. Вывалилось оно, разбрызгав слизь черную. Поползло неловко к горе живой. Слилось с ней в одно большое нечто, огласило пустоту ужасающим свистом.

– Нет больше твоего дома, – прогрохотало это нечто, и голос его был раскатом грома. – Ничего не осталось!

Эрил узнал голос отца. Будто сотни глоток подражали словам его родителя. Мальчик нащупал рукоять ножа, сжал её так, что пальцы заныли.

– Не убьёшь, – крикнул он, – не съешь! Не позволю!

– Нет больше мира твоего! – нечто словно и не слышало его угроз. – И родных твоих нет! Съели мы их, чтобы сил набраться!

– Чтоб вы сдохли! – выпалил Эрил в отчаянии.

– Не сдохнем. А ты можешь, – был ответ ему. Теперь звучал матушкин голос. Тихий и спокойный, как журчание ручейка. – А ты сдохнешь. Если…

– Что? – спросил мальчик.

– Если к нам не присоединишься! Не бойся! Не больно это! И не страшно!

Он опустил нож, смотря, как нечто дрожит, растёт, по пещере растекается.

– Решай, чего хочешь! – прогрохотал голос. – Или частью нового мира стать. Или жалкой едой свою жизнь закончить. Можем тебя таким, как мы сделать. Силы обретёшь нечеловеческие.

Сердце билось сильнее барабана. Кровь в голове стучала неистово. Нет у него выбора, нет больше дома и семьи. Что ему осталось? Что?

– Точно не больно?

Пиявка не ответила.

Тогда Эрил сжал кулаки. Шагнул вперёд. И вздрогнул от неожиданности. Маленькая рука взяла его за рубаху. Тонкий голосок колокольчиком прозвенел в пещере:

– Я с тобой. Не хочу быть… едой.

И вместе с сестрой они двинулись навстречу этому существу неведомому.

V.

Двое охотников добрались до деревни к вечеру. Солнце блестящей монетой клонилось к горизонту. Воздух был пропитан запахом разложения. Шкура зверя серой паутиной лежала на развалинах. Сам он, земли достав, то ли сдулся, то ли лопнул, будто пузырь, а после высох на солнце. Оставил после себя смерть и разрушение.

– И тут никто не уцелел, – вздохнул старый охотник. – Поджигай.

Молодой кивнул, слез с коня. Поколдовал немного, скоро занялась шкура огнём. Объяло развалины ярким пламенем. Ветер принялся пепел по полям разносить, в лицо им плеваться.

Какое-то время охотники молча наблюдали. Потом молодой спросил:

– Как думаешь, правда, что про зверя этого говорят?

– Что именно?

– Ну, мол, в утробе у него целый выводок был этих пиявок. И что расползлись они по всей земле, зарылись глубоко. Сил набираются.

– Сердцем надеюсь, что сказки всё это. А головой думаю. Неспроста же город на севере сожгли. Тот, где гарпуном запускали в зверя.

Молодой охотник поёжился.

– Тоже веришь, что из брюха у него пиявки посыпались?

Старик не ответил, вытер испарину со лба. Посмотрел внимательно на молодого.

– Я вот во что верю, – в глазах его отражались языки пламени, будто и сам он сгорал изнутри. – Верю, что тварь эту не бог наслал. А с других звёзд она к нам спустилась. Оттуда, где жизнь совсем другая. И боги другие. Сожрала до этого одну звезду. Или несколько. А потом и нас заприметила. В небе поселилась. Страхами и злостью нашими питалась. А в брюхе своём пиявок этих вынашивала, пряталась в облаках, до поры, до времени. Когда окрепла, опустилась к нам. Пожрала напоследок. И лопнула. Пиявки же, думаю, вместе с ней многие сдохли.

– Многие, – перебил молодой охотник, – но не все.

– Зрело мыслишь. Кто успел, те схоронились. И сидят глубоко, отъедаются. А, может, изнутри землю пожирают. Снаружи-то почти всё съели.

– Вот же падаль, – выругался молодой охотник. – Вот же погань! Нет же, это всё боги! Они за грехи наши наслали это чудовище, этого зверя! Чтобы землю от нас очистить.

– Возможно, – проговорил старик задумчиво. – Или сразу, всю землю уничтожить. Сначала снаружи поработали, теперь внутри. Радуйся, простофиля, пока можешь. Солнцем и небом любуйся. И молись богам своим, чтобы не настал тот день, когда пиявки целиком сожрут нашу землю.

– И землю? И нас сожрут, так получается?

– Или ещё хуже, самих нас в пиявок превратят. И думай теперь, как лучше. Или кормом стать для пришельцев из других миров. Или самому стать таким пришельцем.

Закончил, сплюнул.

– Ну, нечего стоять. Поехали. Глядишь, хоть тут кого уцелевшего найдём.

Пришпорил коня, спустился вниз с холма. Молодой охотник постоял в нерешительности. Слова старика обдумывал. Представил себя пиявкой, жутко стало. Отмахнулся от мыслей гадких, двинулся с места. Пока догонял второго охотника, всё прислушивался, не идёт ли гул какой из-под земли. Вдруг прямо под ним сидит пиявка громадная, объедается? Силы копит. Чтобы весь свет заглотить.

Разок показалось ему, что дрогнула почва под ногами коня.

Может, просто почудилось.

А, может, пиявка дала о себе знать.

Крест отца
Владислав Кукреш

Жене Стаса оторвало голову, и он не смог этому помешать.

А ведь всего минуту назад ничто не предвещало беды: Румянцевы – Стас, Света и их шестилетняя дочь Саша – под тихое урчание старого «Форда» плавно скользили по ночной трассе из Ярославля в Тутаев.

Безлунная осенняя ночь, голубоватый свет фар выхватывает из тьмы силуэты деревьев, теплый плотный воздух автомобиля навевает сны. Саша давно угомонилась и мирно посапывает на заднем сидении. Клюет носом и глава семьи. Он немного выпил на Дне Рождения зятя и, не став искушать судьбу и сотрудников патрульно-постовой службы, доверил машину супруге. Умница Света – извечная трезвенница и язвенница, на судьбу «извозчика» не жаловалась. Тем более что водить ей нравилось.

В свою последнюю поездку, за несколько десятков секунд до смерти, она привычными, уверенными движениями управляла автомобилем и думала, что приготовит на завтрак, в чем отправится на работу, о данном матери обещании почаще ее навещать.

Стас, в свою очередь, не размышлял ни о чем. Лениво развалившись в кресле пассажира, он смотрел в окно. Сытость в желудке и легкий дурман в голове его разморили, а мысли плавились, не успевая окрепнуть. Находясь в состоянии, когда граница между сном и явью призрачна, он не сразу осознавал то, что видели глаза.

Насупившиеся массы древесных стволов, проносившиеся у черты видимости, мелькали, как в старом кино: стройными рядами скучных, размытых пятен и совершенно беззвучно. Иногда они сливались с землей, представляясь застывшими волнами, иногда – растворялись в глубокой бездне неба. Возникавшие в свете фар ветви, атаковавшие лобовое стекло редкие опадающие листья, смутные тени ночного пейзажа – словно жили своей, непостижимой для человека жизнью.

За считанные мгновения до того, как произошло непоправимое, тени действительно ожили, но Стас осознал это с запозданием. Словно зачарованный наблюдал он, как листья, ветви и стебли растений, спаянные ночной тьмой, несутся в потоке ветра прямо напротив автомобиля: хоронясь от любопытных глаз за деревьями, не отставая от «Форда», но и не вырываясь вперед. В движениях этого уплотнявшегося, не оставлявшего пределов лесополосы духа угадывалась животная грация – словно огромный гибкий зверь несся на призрачных лапах между древесными стволами! Стас не различал его целиком, но то и дело выхватывал из тьмы отдельные части: вот сотканная из листьев спина изогнулась в потоках ветра, а вот передние лапы из лиан и корней по-кошачьи выскочили из мрака, чтобы спустя мгновение скрыться за густыми зарослями кустарника…

С очередным порывом ветра призрачное существо, как хищник на охоте, вырвалось из-за укрытия деревьев и понеслось, красиво выгибая лапы из прутьев, параллельно автомобилю – точь-в-точь гепард на охоте.

С каждым ударом сердца оно становилось зримее, уплотняясь прямо на глазах. Костьми ему служили кора и обломки сухостоя, мышцами – корни с лианами, шерстью – листва и пожухлые травы, придававшие древесному зверю схожесть с соломенным чучелом размером с дачный домик.

Только ни от дачи, ни от чучела не веет зловещим холодом и ощущением скорой смерти.

Несколько мгновений существо держало дистанцию, размеренно работая конечностями-лапами, а затем взяло курс на сближение с автомобилем.

Страх перед потусторонним парализовал Стаса: не в силах вымолвить и слова он наблюдал, как порождение ночи таранит автомобиль боком.

Последовал удар, свет в глазах Стаса померк. Его непристегнутое тело отбросило на жену, и «Форд» слетел с трассы. Визг тормозов взрезал ночную тишь, но поздно – автомобиль на приличной скорости врезался в придорожный столб.

Оглушающая, вязкая тьма облепила Стаса, но так и не завладела им.

Не сознавая на уровне слов, но чувствуя, что если не придет в себя, с ним или с его близкими произойдет что-то ужасное, Стас вернул себя в мир живых.

И увидел над головой небо. Впрочем, не только его.

Закрывая треть небосвода, над ним нависало существо, рожденное на стыке сна и яви, собранное из многочисленных мелких отмерших частей растений: без глаз и ноздрей, но с огромной головой, украшенной редким частоколом здоровенных зубов из кривых веток.

– Папа! Папа! – звонко кричала Саша, очертания которой смутно угадывались в пасти монстра.

Его девочка раскачивалась в крепком замке из челюстей в нескольких метрах над землей. Ее ладошки хватались за зубы – словно за прутья тюремной решетки. Голос Саши дрожал.

Отхаркиваясь, заливая подбородок вязкой кровью, не обращая внимания на разбитую голову и сломанные местами ребра, Стас перевернулся на живот. Покореженные останки машины покоились рядом. Его или выбросило через лобовое стекло от удара, или же тварь вытащила его наружу…

Стас глухо рычал, но мысли так и не складывались в слова. Тело знобило. С усилием он поднялся с колен и сделал в сторону монстра несколько шагов.

И споткнулся о труп любимой.

Голова у Светы отсутствовала.

Видимо, когда тварь метнулась к ребенку – жена преградила ей путь. Или попыталась отбить Сашу. Вот и поплатилась. Всю жизнь за мужа работала: автомобиль водила, детей спасала. Глаза Стаса защипало, но вместо слабости пришло спокойствие. Выпрямив спину, он уставился в ту часть раздувшейся морды-капкана, где у многих живых существ находятся глаза.

Он не понимал, зачем эта тварь разрушила его жизнь, для чего ей нужна Саша, и почему она не наплевала на полуживого мужчину и не скрылась в аду, из которого вышла. Зато Стас знал наверняка: он будет биться с ней до конца. За единственное, за что стоило воевать – за свою дочь.

В полной тишине он бросился на противника.

Возможно, демон не ожидал безумных выходок от едва живого человека и на миг утратил бдительность, а также контроль над телом: лапа твари, в которую плечом врезался мужчина, отлетела в сторону, как сноп сена и, даже не успев коснуться земли, распалась на маленькие кусочки.

Не удержав равновесия, Стас упал и проехался лицом по асфальту.

Боли он не чувствовал. Более того – поверил в победу. Стас жаждал встать на ноги и вновь броситься на тварь, выбить ей вторую лапу, третью, разорвать на части. Он буквально видел, как освобождает дочь, выламывая зубы на морде поверженного врага.

Но очередное напоминание о жене ввело его в транс – Стас оказался лицом к лицу с пропавшей головой Светы. Она смотрела на него, лежа на асфальте, и в смерти казалась такой… серьезной. Он помнил, что ей всего двадцать пять, но в зрачках мертвой читалась мудрость, недоступное живым космическое знание. Словно ей хотелось донести до него важную информацию.

Света отвлекла Стаса на какие-то секунды, но их хватило, чтобы тварь пришла в себя, а юркие стебли и прутья, сцепляясь друг с другом, частично восстановили выбитую конечность.

Когда, спохватившись, человек развернулся, чтобы продолжить битву – шансов у него не оставалось. Сотканная из сотен разных растений ступня толкнула его, опрокидывая на спину, а затем, сплетясь у основания в подобие копья, прошила насквозь – как это делают древесные корни, которые на пути к земле легко прогрызают даже самые твердые камни.

* * *

Спасли Стаса божий промысел, инфаркт бабы Вали и антинародная политика Кремля, направленная на разрушение системы здравоохранения. Если бы не последняя, то в городской больнице Тутаева, городка на пятьдесят тысяч жителей, никогда не закрыли бы кардиологическое отделение, местным «сердечникам» не пришлось бы ждать скорой из Ярославля, а возвращающиеся из шестидесятикилометрого путешествия за очередной жертвой инфаркта медбратья не натолкнулись бы на умирающего у обочины Стаса. Именно они спугнули потустороннего убийцу и спасли молодому человеку жизнь.

Полученных Стасом ран хватило бы, чтобы отправить на тот свет двух человек, но смерть обошла его стороной. Спустя два месяца после автокатастрофы он пробудился в стационаре Ярославской областной клинической больницы. Вырвавшись из комы, нечленораздельно крича и пугая медсестер, Стас упал с кровати. Раны не раскрылись, но болели адски, а сам молодой человек извивался так, словно хотел сбросить с себя всех демонов преисподней. Усмирили коматозника лишь дюжий санитар, мощными руками приковавший смутьяна к постели, и юркая медсестра, изловчившаяся вколоть успокоительное.

Повторное пробуждение вышло не таким бурным, и медперсонал вздохнул с облегчением.

Медленно Стас восстанавливался. Пробитые насквозь легкие очистили и залатали, но дышалось все равно с трудом. При этом убитый горем пациент старался ни с кем не разговаривать, держал боль в себе, и на все вопросы о произошедшем отвечал уклончиво или ссылался на дырявую память.

Ни врачи, ни родные, ни, тем более, представители силовых ведомств из него слова не вытянули. Во-первых, рассказы о гигантских тварях из веток – прямая дорога из одной палаты в другую, из которой можно никогда не выбраться. Во-вторых, очень уж не нравилась Стасу манера, в которой с ним общались полицейские и люди из ФСБ.

– Вы точно ничего не помните. Может что-то необычное?

– Что именно?

– То, что находится за рамками вашей рутинной жизни.

В этот зимний день Стаса допрашивал высокий костлявый мужчина с жидкими усиками. Пациент сидел на кровати – спину подпирают подушки, ноги укрыты одеялом – и, скрестив на груди руки, отвечал, стараясь не замечать стеклянных, как у змеи, глаз посетителя. Доверия он ему не внушал.

– Все что происходит с нами – происходит в рамках «рутинной жизни», – твердо ответил Стас. – Никакой другой жизни я не знаю. Даже побывав в коме, света в конце тоннеля не разглядел.

– Тогда вы не возражаете, если я приду к вам через две недели? – спросил представитель закона. – Может, к тому времени что и вспомните.

– Может, и вспомню.

– Вы же знаете, как много значит информация для раскрытия дела. Любая. Ваша жена погибла при странных обстоятельствах… голову нашли в нескольких метрах от тела, дочь

пропала. Похититель должен понести наказание. Сами понимаете, нельзя такому человеку – или нечеловеку – разгуливать на свободе. Это всегда новые жертвы, паника в обществе…

– Насколько понимаю, ни одна газета, ни одно СМИ не озвучило трагедию моей семьи – о какой панике идет речь?

– Встречаются в наше время социально ответственные журналисты, – развел руками дознаватель.

Потеряв над собой контроль, Стас в очередной раз сцепился с ним взглядом.

Что скрывалось за этими змеиными глазами? Мысль о том, что Стас – психопат-убийца, который прикрывается амнезией? А может, дознаватель наоборот – хорошо знал, что произошло и просто хотел убедиться, что Стас это видел? Структура его вопросов указывала и на такую возможность. Но зачем? Вопросов больше чем ответов, а осторожность еще никому не вредила.

Пока Стас лежал в коме, ему исполнилось тридцать. Обычно к этому возрасту люди набираются опыта, становятся сообразительнее. Стас действительно поумнел, особенно – после сентябрьского события на автодороге. До самой смерти он будет начеку: никакого дурмана, веселья и праздности, разучится расслабляться, полностью откажется от спиртного и безмятежного образа жизни.

Теперь ничто не застанет его врасплох – даже когда перед ним настежь распахнутся врата ада.

* * *

Почти десять лет Стас потратил на то, чтобы найти место, где укрывали его дочь.

За прошедшие годы он потерял работу, друзей, квартиру, которую продал, чтобы расплатиться с долгами. Из перспективного молодого инженера, проектировщика инновационных тепловозных двигателей с Тутаевского моторного завода, он превратился в пугало – городского сумасшедшего.

Безработный, живущий на съемных комнатах, нередко небритый, он стал антипримером для подрастающего поколения. Заприметив его на улице, дети хихикали, их мамаши, перемывая ему косточки, жалели «бедняжку», а мужчины старались и вовсе не вспоминать о нем. Многие считали, что бесцельная жизнь Стасу в тягость и лучше бы он умер там, на автостраде – вместе с горячо любимыми женой и дочкой.

Только на самом деле цель у Стаса была – цель всей его жизни. И он никого не спешил хоронить.

Что-то подсказывало ему, что его дочь жива. Он чувствовал это сердцем, которое верило в чудо, несмотря на течение лет.

Он часто видел ее во снах. В них она звала отца и плакала в окружении монстров, собранных из веток, слепленных из грязи и даже – каких-то невероятных созданий из плоти и крови. Таких тварей не смогло бы придумать ни одно, даже самое больное человеческое воображение, а больным себя Стас не считал. Поэтому верил, что его сны – пусть и не полное, но все-таки – некое отражение реальности, а его дочь жива и ждет возвращения папы. Ждет где-то.

В первые годы поисков Стас исколесил всю страну и даже выбирался за ее пределы, пытаясь выследить того, кто похитил его дочь. Он пролистал тонны желтой прессы с так называемыми свидетельствами тех, кто сталкивался с потусторонним, посещал места «контакта» с демонами, их предполагаемые логова, разговаривал с «очевидцами». Шарлатаны, сказочники, просто сумасшедшие, журналисты-лжецы… – вот с кем приходилось иметь дело.

Но Стас не сдавался, и на шестой год странствий судьба улыбнулась ему.

Он тогда объезжал деревни Хабаровского края: в одной газете вычитал, что где-то неподалеку испокон веков обитают кэльпи – водяные лошади, которые забирают детей на дно озер. Что делали ирландские мифические существа так далеко от матушки Европы – Стас не знал, но проверить местность не поленился.

Обычно во время поездок он прикидывался собирателем фольклора, ученым или сказочником. Но на этот раз, когда девяностолетняя знахарка из деревни Самошкино спросила – зачем ему все эти небылицы, он ответил достаточно откровенно:

– Одного близкого мне человека похитило существо с того света. Хочу найти его.

Они сидели за столом просторной кухни, пахнущей старым деревом и сушеными травами – прямо напротив холодной деревенской печи – белой и высокой – под самый потолок. Открытые на яблони окна впускали свежий воздух. Гость и хозяйка пили травяной чай.

Почему-то Стасу показалось, что с этой женщиной можно поделиться чем угодно.

– Он пропал здесь, под Хабаровском?

– Нет. Вообще-то, под Ярославлем.

– А почему ты его здесь ищешь, если он пропал совсем в другом месте?

Этот вопрос несколько озадачил Стаса. Вся его система поисков основывалась на неверном посыле? Ну уж нет. Он отхлебнул из чашки.

– Я прочитал много краеведческой литературы, газет. Мой случай уникальный. Больше ничего такого под Ярославлем не происходило.

– А потом про твой случай, когда он произошел – написали в газетах? – осторожно спросила старая женщина и, поставив чашку на блюдце, заглянула ему в глаза.

Внутри Стаса все похолодело. Но хозяйка и не ждала ответа – словно знала его наперед.

– Там, где никто не говорит о золоте – не значит, что золота нет, – отметила она и, подумав, добавила, – Ты ведь не всем рассказываешь о цели своих поисков, вот как мне – напрямую?

– Нет. Не всем.

– И никому не рассказывай. Особенно в Ярославле. Это нечистое место. Одно из самых темных на земле, – подчеркнула знахарка. – Древняя нечисть там особенно сильна.

– Сильна?

– Как ты думаешь, что означает герб этого древнего города?

– Медведь с секирой? Ярослав Мудрый зарубил медведицу в лесу…

– Забудь об этом. Этот символ значительно древнее этой глупой легенды, – оборвала Стаса хозяйка. – Он куда древнее любых городов. И медведь на нем не жертва, а палач. Он питается кровью, они питаются кровью.

– Кто?

– Лучше тебе этого никогда не знать. Избегай его слуг и рабов.

– Откуда… откуда вы все это знаете? Кто вы?

– Я – блокадница, преподавала географию, люблю хороший травяной чай и потому, наверное, знахаркой называют. Но тебя, наверное, волнует не это? – хмыкнула старая женщина и улыбнулась Стасу. – В свое время я тоже сталкивалась с обратной стороной реальности. Как и ты. Если будешь осторожен, то доживешь до моих лет и узнаешь даже побольше, чем я. Заходи в гости, если найдешь, что ищешь и… сможешь вернуться… Но перед тем, как уйдешь, я тебе кое-что дам.

Старая женщина ненадолго оставила гостя и, вернувшись минуты через две, вложила в его руки тяжелый позолоченный крест – сантиметров сорок в длину и широкий, как две ладони.

– Вот. Это лучший защитник от языческих демонов. Держи его при себе, и тогда тебе не страшен будет даже самый сильный из них. Я бы еще тебе Библию дала, только у меня

одна осталась. Впрочем, найти эту книгу сейчас куда проще, чем во времена моей молодости.

– Зачем мне Библия?

– Ничто не ранит демонов так, как слово Божие. Священное писание – твое главное оружие.

Когда они расстались, Стас вернулся в Тутаев, в котором практически безвылазно прожил последующие четыре года. Трассу между этим городком и областным центром он и раньше неплохо знал, а в последующие годы выучил наизусть каждый квадратный сантиметр ее полотна.

Чтобы не вызывать подозрений у «рабов» геральдического зверя, Стас работал частным таксистом. Купленная за бесценок поддержанная «Лада» позволяла ему возить людей из Тутаева в Ярославль и обратно. Такса в пятьдесят рублей с человека, достаточно популярный маршрут – и за час работы выходило около четырехсот рублей. Такой заработок не только спасал от голодной смерти, но являлся идеальным прикрытием для его основного занятия – выслеживания зверя-похитителя.

Только с годами Стас осознал, что трасса между Тутаевом и Ярославлем – настоящие охотничьи угодья древесной твари. И пусть, исходя из заметок в местной прессе, здесь никогда не видели фантастических существ, различных смертей и исчезновений в округе хватало. До поездки в Хабаровский край Стас, как и местные журналисты, считал, что все они связаны с криминалом или пьяными водителями, которые не справлялись с управлением, но…

Но потом его внимание привлекла заметка газеты «Золотое Кольцо» за 1998-ой год. Некий Владимир Кобылинский в паре абзацев описывал случай ДТП с пьяным за рулем. «Водитель скончался на месте, его шестилетний сын до сих пор не найден» – такими словами заканчивался текст журналиста. Эта история один в один повторяла трагедию Стаса и его семьи, но без мистического налета. Более того, она также произошла 22-го сентября и примерно в том же самом месте!

Дальнейшая работа со СМИ выявила еще двадцать похожих случаев. Подняв подшивку «Золотого Кольца» и просмотрев все номера газеты за сто лет, Стас убедился, что факт, описанный Кобылинским – часть последовательности. Дети исчезали между Тутаевом и Ярославлем постоянно. И именно – 21—22 сентября или в начале третьей декады марта – в дни осеннего и весеннего равноденствия, когда светлое и темное время суток равны, когда грань между мирами живых и мертвых стирается, и появляется шанс перейти из одной вселенной в другую.

Все эти открытия Стас сделал в июне на восьмой год поисков. Времени, чтобы подготовиться ко дню осеннего равноденствия у него имелось с запасом, но арсенал он собрал для себя не очень богатый: кроме креста с новенькой Библией, в наборе оказались садовые ножницы и кукри – огромный тесак в форме двуконечного бумеранга, которым вьетнамцы прорубаются сквозь джунгли.

Последующие два года прошли в томительном ожидании и безумных ночных попытках выследить проклятую тварь. Охотился он теперь не чаще одного раза в полгода.

Уже в самый первый «целевой» выезд, Стас увидел ее: только на мгновение и – со значительного расстояния. Она стояла над дымящимся автомобилем, и отблески пламени неровно освещали ее, выхватывая из мрака гибкие прутья и ветви, составлявшие каркас фантастического тела. Когда Стас подъехал к перевернутой машине, то обнаружил два трупа: мужчины и женщины. Тварь не стала дожидаться его прибытия и, сделав несколько скачков, растаяла во мраке лесополосы. Унесла ли она в зубах очередного ребенка – он так и не узнал: этот случай пресса обошла стороной.

В следующем году на весеннее равноденствие тварь или никого не убила, или сделала это очень искусно – никаких свидетельств ее вылазки Стас не обнаружил. Осенью

того же года она снова ушла от преследователя. Причем, если бы его не остановили на посту ГИБДД для проверки документов, то в тот раз он бы ее непременно настиг – когда Стас прибыл к месту очередного нападения, его встретили лишь трупы взрослых. Знакомая картина, к которой невозможно привыкнуть.

Он поквитался с тварью лишь в марте – на десятый год преследования. Именно тогда Стас отказался от неэффективной методики патрулирования и решил схитрить.

* * *

На выезде из Ярославля за сутки до дня весеннего равноденствия Стас установил скрытую видеокамеру – прямо напротив поста ГИБДД. Аккумуляторы держали ее в рабочем состоянии недолго, но к чему рекорды производительности, когда трансляция нужна лишь на одну ночь? А вот четкостью изображения устройство похвастаться могло. Когда перед хорошо освещенным постом ГИБДД автомобили сбавляли скорость, камера фиксировала все детали, позволяя хорошо различать лица водителей и пассажиров. С ее помощью легко проверялось наличие в салоне детей.

Двадцать первого марта в восемь вечера Стас находился на обочине в салоне «Лады». Кругом – нестойкий и грязный весенний снег. Приоделся он буднично, из верхней одежды: брюки, ветровка, черная обувь. Теплом салон автомобиля не радовал – обогреватель сломался в начале зимы.

Затаившись в семи километрах от поста ГИБДД, Стас наблюдал по ноутбуку все, что фиксировала камера: терпеливо и без перерывов на чай, без устали просматривая лица выезжавших из Ярославля людей. За несколько часов он видел их сотни: хмурые и скучающие, молодые и покрытые сетью морщин. Детские лица попадались редко, но в погоню за ними он не срывался – ждал хотя бы одиннадцати вечера.

Ближе к полуночи поток машин значительно уменьшился, да и детей в них поубавилось.

В половину двенадцатого из Ярославля выехала шикарная «Тойота» с седовласым отцом за рулем и расположившимся рядом восьмилетним сыном. Стас поборол желание броситься ему навстречу, так как поток автомобилей казался достаточно оживленным: в течение минуты следом за «Тойотой» пронеслись еще пять автомобилей – слишком людно для твари. К тому же, она обычно показывается в более позднее время – когда движения практически нет.

Еще полтора часа провел Стас в засаде, уткнувшись в ноутбук. За все это время он отвлекался от экрана только один раз – чтобы сменить аккумулятор.

Примерно в час ночи мимо поста ГИБДД проехала на «Опеле» идеальная жертва: женщина с пяти-шестилетним сыном. Оба – светловолосые и такие одинокие на пустынной автотрассе. Будь он проклятой тварью, похищавшей детей, то для нападения выбрал бы именно эту машину.

Стас завел «Ладу» и, выехав на трассу, понесся навстречу «Опелю». Пока автомобили сближались, он посматривал в ноутбук, продолжавший видеотрансляцию. Следом за женщиной с сыном ехали еще два автомобиля, и сотрудники ГИБДД остановили оба. Точь-в-точь – как его самого прошлой осенью, когда из-за небольшой задержки он упустил тварь…

Стас припомнил, что сегодня между его машиной и Тутаевом дежурили сразу два автомобиля ГАИ. Это на отрезке меньше двадцати километров! А ведь гаишники тоже могли в эту самую минуту начать тормозить всех возможных свидетелей нападения твари…

Капкан захлопнулся?

Переключившись на пятую передачу, Стас несся по трассе навстречу судьбе и молился успеть вовремя.

И успел.

«Опель» еще мирно ехал в сторону Тутаева, когда Стас уловил свет его фар. А еще он приметил нечто темное сбоку от сближавшегося с ним автомобиля – словно плотное облако мрака отслоилось от лесополосы и взяло курс на ничего не подозревавших мать с сыном.

Что-то похожее Стас уже видел, но в другой перспективе…

Выжимая максимальную скорость из «Лады», к дикому ужасу белокурой женщины он вырулил на встречную полосу, проскочил буквально в нескольких метрах от ее автомобиля, и, слетев с трассы, врезался в древесную тварь. Охотник стал жертвой. К моменту столкновения Стас отчетливо различал его – зловещего визитера из другого мира: до боли знакомое, крытое сухой травой и древесной корой тело, переплетение веток и прутьев, напоминавшее что-то среднее между исполинской кошкой и лошадью.

Он перебил монстру две лапы – переднюю и заднюю – и снес добрую половину туловища, а потом, проехав по бездорожью с десяток метров, круто развернулся и бросился на врага снова.

Древесная тварь была могущественна, но не бессмертна. Нападение этого человечка, которого она однажды, казалось, убила, не просто причинило ей неудобство, не только спутало все планы и оставило ее хозяев без дорогого подарка – этот человечек мог сделать кое-что и похуже. Он мог уничтожить тварь. И более того – жаждал этого!

Ощущая, как позади шумит автомобильный двигатель, с грехом пополам восстановив оторванные лапы, тварь быстро ковыляла прочь. Ее штормило – она едва держалась вертикально: из-за нехватки времени и материала едва воссозданные конечности вышли тонкими и сгибались не в тех местах, где нужно.

Силы возвращались к ней, но слишком медленно. Несмотря на все старания, сбросить преследователя тварь не могла. И тогда она пошла на уловку, которой не пользовалась лет триста.

Воздух вокруг автомобиля Стаса подернулся дымкой.

Какое-то время он несся по бездорожью, нещадно лупя днищем по неровностям почвы: слева тянется лесополоса, справа – незасеянное поле под снегом. И внезапно все это накрыло огнем, двумя параллельными ходу машины стенами вздыбившимся к небу. Полыхали не только деревья, но сама земля. Снежный покров этому совсем не мешал.

Никакой иллюзии: Стас ощущал жар, даже находясь в салоне автомобиля. Он мог спастись, мог выехать из этого пекла или срочно развернувшись, или дав задний ход – стены огня, вытянутые по направлению движения автомобиля, яростно сплетались впереди, порождая ослепляющий столб обжигающего света. Огонь ревел так, что заглушал все остальные звуки.

В зеркальце заднего вида маячило спасение, но не за ним Стас охотился последние десять лет.

Не обращая внимания на плескавшееся кругом испепеляющее море, древесный зверь свернул к той стене огня, которая поднималась со стороны фермерских угодий. Он не боялся сгореть, языки колдовского пламени не трогали его, а автомобиль Стаса уже начал раскаляться, от колес пошел густой черный дым.

Лицо водителя вспотело, но не от ужаса, а от нестерпимого жара. Не снижая скорости, он выкрутил руль в направлении, в котором скрылась тварь, окунулся в огненный ураган и сконцентрировал внимание на эфемерных свидетельствах ее существования.

Пламя окружало «Ладу» со всех сторон, машина местами горела, но Стаса волновала только его добыча. Иногда между языками огня ему мерещились признаки ее присутствия – на них и ориентировался: то тень какая мелькнет, то алые угольки на огненном ветру вспыхнут – призраки случайно сорванных в пылу гонки кусочков коры или прошлогодних трав.

В отличие от всех воинов древности, преследовавших тварь, Стас заставлял своего «скакуна» продолжать гонку несмотря ни на что. Полагаясь лишь на интуицию и косвенные признаки присутствия врага, он мчался почти вслепую и не отставал ни на шаг.

Недооцененный тварью представитель рода человеческого оказался сильнее ее. Впервые за многие тысячи лет она познала страх. Когда ее задняя лапа вскользь ударила по бамперу подступившего вплотную автомобиля, в панике она допустила роковую ошибку – открыла врата.

Уйти у твари так и не вышло – на ту сторону она перенеслась вместе с человеком.

* * *

Огонь исчез в мгновение ока. Только что бушевал повсюду – и вдруг его не стало.

Преследуемый и преследователь вырвались на бесплодную каменистую равнину с пепельным небом и без малейших признаков солнца в вышине.

Испускаемого небосводом света хватало, чтобы без труда обозревать пространство на много километров вокруг. Правда, у Стаса не нашлось времени пейзажами любоваться: как только он и древесная тварь выпали из мира людей, он тут же врезался в нее, перебил все четыре лапы и, подпрыгивая на кочках и ямах, продолжил нестись с остатками ее туши на капоте. С управлением он справлялся с трудом – руль, словно оживший, рвался на волю.

Тварь не сдавалась.

Развернувшись на поверхности оплавленного автомобиля, она почти полностью перекрыла Стасу обзор. Ее перебитые конечности прямо на глазах перестроились в два огромных щупальца, которые в попытке добраться до водителя серией ударов обрушились на корпус машины.

Стекла покрыла сетка трещин, и одному щупальцу удалось проникнуть внутрь – со стороны пассажирского сидения, но до водителя оно так и не добралось. Ревя, словно на последнем издыхании, «Лада» врезалась в огромный камень, стоявший посреди пустыни.

Булыжник даже не дрогнул.

Стас рассчитал все точно: большую часть остававшегося у твари туловища он смял в кашу. Лобовое стекло, покрытое сеткой трещин, вылетело, а руль крепко припечатал его в грудь. Только в отличие от событий десятилетней давности, на этот раз Стас пристегнулся.

Превозмогая шок от столкновения, он освободился от ремня безопасности, заткнул за пояс кукри, подхватил садовые ножницы и уже снаружи автомобиля, не дав твари времени прийти в себя, начал методично отсекать от ее извивающегося тела значительные куски.

Еще в момент знакомства с этим существом Стас приметил, что оно может наращивать новые конечности, лишь касаясь уже «закрепленными» частями подходящих предметов: веток или листьев. Поэтому, когда отсеченные куски монстра падали к его ногам, он пинками отшвыривал их в стороны – чтобы они вновь не стали частью целого.

В надежде взять реванш, древесная тварь тайком нарастила за спиной еще одно щупальце и, выгадав момент, выбросила его, пытаясь проткнуть врага.

Но этот жалкий человечек в очередной раз удивил ее.

Конечность-копье разлетелась у самого основания щепками – словно уткнулась не в податливую человеческую грудь, а в металлический щит – и, не успев отпрянуть, рухнула перерезанная к ногам Стаса.

– Что-что, а бронежилеты в России делать не разучились! – заверил врага человек, отбросил затупившиеся ножницы и несколькими мощными ударами кукри перерубил неприятелю шею.

Тело твари обмякло, существенно укороченные конечности бессильно обвисли. Мгновение спустя они встрепенулись – когда последним отчаянным рывком маленький жгутик

травы выстрелил из основания шеи поверженного гиганта и соединил упавшую на землю голову с массой утративших форму веток на капоте. Однако Стас не дал монстру закрепить успех: быстро перерубил эту новую нить жизни и пинками отогнал извивающуюся у его ног голову на значительное от машины расстояние.

Свою расправу над тварью он завершил за какую-то минуту, несмотря на то, что ее голова с остатками шеи еще пыталась создать что-то вроде маленьких ножек и скрыться.

Каждый удар кукри уменьшал тварь в размерах и, наконец, от нее почти ничего не осталось. Разделывая последнюю «живую» часть черепа, Стас нашел что искал – крохотного дождевого червя, к тельцу которого льнули все остальные части монстра. Он извивался в неком подобии мозга, сотканном из стеблей травы и мха. Вырвать его из гнезда труда не составило. Стас сделал это голой рукой.

Как только червя накрыл кулак – останки древесного зверя застыли окончательно.

Некоторое время Стас изучал своего врага на ладони, а когда вернулся к машине, отыскал в бардачке металлическую коробочку с мятными леденцами. Конфеты, уступая место червю, полетели на землю. Коробочка юркнула в задний карман брюк.

Жара пустыни изнуряла.

Стянув курточку и бронежилет, Стас полчаса пролежал в пыли. Укрытая одной лишь майкой грудь поначалу тяжело вздымалась, но в конце концов дыхание восстановилось.

Прислонившись к валуну, в который въехала «Лада», Стас обвел взглядом безбрежный горизонт и, приставив ладони ко рту, прокричал:

– Верните мне дочь, ублюдки! Не прячьтесь! Я знаю, что вы рядом!

Никто не ответил.

Тогда Стас достал из автомобиля Библию и добытый под Хабаровском крест. С их помощью он собирался выкурить местных обитателей из нор. Крест лег на грудь на шнурке, и слова священного писания полетели над мертвой землей.

* * *

Если бы у пустыни под пепельным небом имелись уши – из них пошла бы кровь. Никогда ранее смертные не решались на такую дерзость: никто не читал здесь священных текстов!

Над пустыней разнесся гул, и она зашевелилась – демоны больше не могли скрываться в норах. Они хотели изнурить незваного гостя жаждой, гнетущим молчанием, и потом, когда человек ослабнет – наброситься всем скопом, чтобы терзать, подвергая ужасным пыткам.

Но обстоятельства вынудили их отказаться от первоначального плана.

Пустыня оживала. Всевозможные твари не просто вылезали из расщелин в земле – они наполняли ее, как половодье, взбирались друг другу на головы, подминали, давили товарищей, наступая когтистыми лапами на морды, и непрестанно выли. Монстры не походили ни на что, виденное Стасом ранее. Лишь его самые черные кошмары отдаленно отражали весь ужас и многообразие их форм и расцветок. Одни казались размером со слона, другие – не больше мыши.

Спустя час чтения Библии твари уже обступали Стаса плотным кольцом. Ближе чем на несколько метров они подобраться не смели – крест не пускал. Раскачиваясь на кожаном ремешке, он мягко вибрировал и, казалось, немного согревал грудь.

– Верните мне дочь, гады! – проорал Стас в толпу, на несколько секунд отвлекшись от чтения.

В ответ пришел нечленораздельный вой. Обступавшая его мелкая сошка, ничего, видимо, не решала. Стас продолжил зачитывать Библию, которая так травмировала нежный слух местных обитателей.

Посредник пришел, когда Стас приступил к чтению Книги Борьбы, а его появление предварило небольшое землетрясение.

Бросившиеся врассыпную демоны устроили давку, и половина пустыни – от человека до горизонта – рухнула в бездну, озаряемую всполохами далекого свечения. Пропасть пожрала все: неуспевших удрать тварей, машину, бронежилет с курточкой и даже выпавшую из рук Библию. С трудом балансируя у самой ее кромки, Стас наблюдал, как что-то тяжелое поднимается с глубины нескольких тысяч километров. Стены бездны трещали, осыпались, по ним волнами пробегала дрожь, напоминавшая схватки при родах.

Первой из дыры в земле ударила едкая вонь, затем вырвались клубы черного дыма – сплошная завеса до самого неба, перекрывшая обзор.

В дыму что-то шевелилось. Когда он начал рассеиваться, на свет проступили тысячи глаз и ртов, перемешанных под разными углами с органами непонятного назначения, напоминавшими густую сеть жирных крысиных хвостов. Последние создавали иллюзию всклоченной шерсти.

Все глаза – от самых крохотных, до размеров хорошей многоэтажки – изучали Стаса.

Мужчина вскрикнул: с появлением Посредника его нательный крест раскалился добела, пережог шнурок и, опалив кожу, упал к ногам, войдя вертикально в камень пустыни и так и застыв в нем. Даже в таком положении он защищал Стаса.

Долгую минуту человек и Посредник смотрели друг на друга.

Разговор их вышел коротким, но информативным. Даже – не совсем разговор. Прямо посреди игры в гляделки Стас закачался, разбрызгивая кровь носом: он почти сошел с ума от сковавшего его напряжения. Но выстоял. Каким-то образом с целью экономии времени Посредник вложил ему в голову ответы на ряд мучивших его вопросов.

Стас узнал, что первородных существ, или как они сами привыкли себя называть – изначальных, единый Бог изгнал с Земли тысячи лет назад, но опосредованно они влияют на человеческие судьбы и сегодня. Тем более что между мирами налажены крепкие связи. Со многими людьми изначальные заключают контракты, надлежащее исполнение которых строго контролируется. Одни дарят здоровье, богатство, власть, отменную потенцию, другие расплачиваются душами и плотью тех, кто их окружает: близких или электората. Например, в Москве в подземке работает полуночный поезд, случайные пассажиры которого, никогда не добираются до дома или места работы. Сотрудники специального отдела Московского метрополитена доставляют их прямиком в мир демонов на знатный мясной пир, причем – в уже освежеванном и расчлененном виде. Таких примеров взаимовыгодного сотрудничества хватает и в провинции. Так, в Ярославле местные власти поставляют изначальным детей под разные цели. Некоторых, как дочь Стаса, делают украшением садов – редких мест отдыха этой мрачной земли. Детям либо дают волю играть, если те не ударяются в рев при виде звериных рыл своих хозяев, либо их обращают в камень и расставляют в живописных позах под сенью деревьев.

Из Саши сделали скульптуру. Замороженная во времени шестилетка – узнает ли она постаревшего на десять лет отца?

Мир изначальных очень деловой. Здесь все имеет цену, продается или покупается. Нет ничего невозможного, если стоимость не слишком высока. За девочку Посредник потребовал жизнь, и отчаявшийся отец заверил, что у него есть чем расплатиться.

Сделка состоялась. Стороны оговорили и скрепили ее в считанные мгновения, просто обменявшись мыслями – самые серьезные дела проводятся в полной тишине.

– Вот ваш червяк! – нарушил негласный пакт о молчании Стас и взмахнул коробкой из-под леденцов. – Но отпущу я его, когда вы отдадите мне дочь и вернете в наш мир! Все как договаривались! Где она?

– Обернись! – одновременно ответили ему на разные голоса тысячи ртов Посредника.

Поворот на сто восемьдесят градусов забросил Стаса в какое-то новое место, где его обступила тьма. Ни неба над головой, ни воющих монстров. Единственный источник света – вонзившийся в камень крест у самых ног. Из-за близости Посредника он сиял не хуже лампы накаливания. У границы света мужчина различил силуэты детей, замерших в разных позах. Одна из этих скульптур – его Сашенька?

– Здесь сотня детей, и у тебя ровно две минуты, чтобы найти дочь, – произнес многоголосый Посредник.

– Но здесь же ни черта не видно!

– Время пошло, – пришел невозмутимый ответ.

– Но мы так не договаривались! – взорвался Стас.

В ответ ему пришла тишина.

Чертыхаясь, отец бросился к границе света.

Нет, бесперспективно – лиц не разглядеть, да и ростом скульптуры одинаковы. На ощупь разве что искать Сашу, но тут никаких двух минут не хватит.

В отчаянии мужчина бросился к кресту, светившемуся у края бездны. Попытка ухватиться за него ничего не дала – лишь пальцы волдырями покрылись. Набросить майку также не вышло: коснувшись креста, ткань вспыхнула, словно пропитанная смолой, и осыпалась пеплом.

– Твою мать, – прокричал Стас. – Вы меня обманули!

– Мы дали тебе две минуты, чтобы ты нашел свою дочь – все условия сделки соблюдены! – ответил хор из тысяч голосов Посредника. – У тебя осталось пятьдесят секунд.

Стас не мог разглядеть очертаний туши Посредника – тот теперь сливался с ночью, лишь бесчисленные глаза отливали белым в абсолютной тьме – как отраженное в кривом зеркале звездное небо.

Проклиная сделку, Посредника, изначальных, свою недальновидность – в карманах брюк не нашлось даже спичек – Стас схватился голой рукой за крест и, высоко, точно факел, подняв его над головой, устремился в гущу детских скульптур.

Сказать, что боль терзала его – ничего не сказать. Он словно сунул руку в плавильную печь.

Из глаз Стаса лились слезы, челюсти крепко сжимались. Он душил крик на выходе, так как понимал, что, начав кричать, может отвлечься и пропустить главное – Сашу.

Очень скоро Стас перестал владеть пальцами, сжимавшими крест: мышцы обуглились, связки на костяшках полопались. Если бы раскаленный металл не въелся глубоко в пузырящуюся плоть и кости, мужчина давно бы выронил его из покалеченной руки.

Стас нашел свою девочку в четвертом ряду. Она стояла к нему боком, его Сашенька, надутая – словно папа вернулся из магазина и забыл купить мороженое.

В момент, когда левая рука Стаса коснулась ее предплечья – его выбросило в мир людей, и отец с дочерью упали в объятья друг друга.

Они оказались на обочине автодороги между Ярославлем и Тутаевом.

Позади на всем протяжении полыхала лесополоса.

Стоя на коленях, Стас прижимал Сашу к груди, по его щекам бежали накопившиеся за десять лет слезы, а мимо проносились пожарные автомобили. Но он их не замечал, как не сразу приметил, что его обугленный правый кулак, отколовшись от культи, упал вместе с крестом в сырую, присыпанную снегом землю.

* * *

Условия сделки с демонами Стас выполнил. Сдержать слово ему помогла дочь, ведь из-за полученных травм он еще долго не мог встать с больничной койки.

Через неделю после возвращения в мир людей Саша, выбежав на улицу, сделала все как учил папа: открыла коробку из-под леденцов и выпустила полудохлого червячка на свободу. Посмотрев, как тот копошится в грязи, а сухая трава оплетает вялое тельце, создавая скелет крохотной лошадки, Саша задрала голову к небу и громко объявила:

– Червячок на свободе! Все как договаривались!

Лишь несколько случайных прохожих оглянулись на шумную девочку.

На ногах Сашеньки красовались красные сапожки, купленные мамой за неделю до автокатастрофы – отец берег их все это время. Перед тем, как вернуться к папе, девочка опустила на червячка подошву и давила до тех пор, пока от него даже мокрого места не осталось.

Полдень
Мария Шурыгина и Евгений Руденко

Как я это люблю… Когда после затяжной весны выбираешься на трассу – едешь и едешь, долго, не экономя бензина – вот только тогда для меня начинается лето. Это что-то вроде ритуала встречи. Уезжаю подальше от города, выхожу из машины и просто стою на обочине. Сквозь смеженные веки смотрю на солнце – оно висит в красноватом сумраке закрытых глаз пламенеющим пятном. Медвяное, текучее, застящее горизонт. Сначала поглаживает, потом проникает вглубь, сквозь кожу и мышцы, до самых позвонков. Стоит вот так прогреться хотя бы раз за лето, и холод, угнездившийся за ребрами, тает. И так легко становится…

Джаз-банд кузнечиков слаженно пилит будто бы одну тончайшую металлическую струну. Звук густой и плотный, висит облаком. Музыканты невидимы, и кажется, что это само солнце так звучит. Ведь у всего живого есть звук. А солнце – живое. Оно держит тебя в широких теплых ладонях. Тебя и весь мир – держит.

Как я это любил…

Как я мог это любить? Солнце сжало кулак, и я попал. Когда за спиной машина с прохладой кондиционера – тогда да, любо-дорого поздороваться с солнцем. Или когда планируешь подвиг – на велосипеде из точки А в точку Б. Все равно ведь понимаешь, что эта жара и преодоление закончатся: приедешь, умотанный в конец, но страшно гордый собой. А когда вот так бредешь по трассе пешком… Сколько я уже иду? Светило давно в зените. Синоптики обещали дождь и плюс двадцать три. Опять ошиблись. По-моему, под сорок. Кажется, даже дорога вспотела, и пот ее пахнет жженой резиной, гудроном. Как же она воняет…

Метрах в двадцати воздух над трассой дрожит и плавится. Как это называется? Каустика? Муар? Кажется, так. Он часто меня достает при съемке в жаркую погоду – резкость кадра падает в разы. Я упорно всматриваюсь в эти каустические «окна» – кажется, там, за пеленой воздушной дрожи совсем другой пейзаж. Не дорога, а трава, влажная… как после дождя. Шагнуть бы туда.

А еще лучше не шагать вообще. Сесть или лечь. Сердце бьется в горле, стараюсь следить за дыханием. Говорят, детская астма не возвращается, я ее перерос. Бег, плаванье, велосипед – всё, чтобы одолеть болезнь. И что? Хрип – вдох, свист – выдох. Оставил я ингалятор дома или взял с собой? Если он и в рюкзаке, то давно просрочен, но даже такой может помочь. Когда же я его покупал? Сейчас мне двадцать четыре, а врач выписывал… Придётся лезть в рюкзак и перетряхивать вещи.

Тяну руку за спину, хлопаю себя по плечам – футболка насквозь мокрая. Лёгкие заходятся поломанным насосом – мне смешно. Смешно и больно.

Рюкзака нет.

Видимо, все-таки какое-то сотрясение я получил. Да точно, в здравом уме рюкзак на дороге не бросишь – там же документы, деньги. И камера, пусть не самая навороченная в моем арсенале, дорожная, но все же… Рюкзак, наверное, отлетел в кусты при ударе. А я – в другие кусты, мы в разные отлетели. Хотя и кустов не помню. Помню перегнутую хребтину велосипеда, ощетинившиеся спицы, красные брызги катафот в белесой пыли. А из-за чего сверзился в овраг —не понимаю. Я тихо-мирно крутил педали по обочине, не нарушая, соблюдая и следуя, в наушниках свинговый ритм – и вдруг меня будто волной воздуха снесло. Словно зверь огромный хвостом махнул, и я – кубарем с дороги. Очнулся – перед

глазами мусор всякий и крапива… много крапивы. Может, солнышком так припечатало? Да ну, вряд ли, я б, наверное, идти не смог. А я пока могу.

Вяло хлопаю по карманам, нахожу телефон. Лучше бы фляжку. В рюкзаке остался термос с водой, в ней плавают лед и лимонные дольки. А во рту сушь великая… Не думать.

Солнце – живое. Кажется, у меня все-таки тепловой удар. Или около того. Тепловой… удар. Неправильное какое сочетание. Тепло – это мягкое, уютное что-то. Как Светкины обнимашки, когда она в махровом халате на голое распаренное тело выходит из ванной. Розово-нежная под желтым пушком ткани – как цыпленок. Вот что такое тепло. И вдруг – удар. Цыпленок превращается в монстра и долбит меня чугунным клювом по голове.

Кажется, я заделался ипохондриком – вон сколько диагнозов себе придумал за пять минут. Или не пять? Время как-то растеклось. Надо собраться, надо. Помереть на трассе в пригороде – смешно. Да ну, не бывает.

Впереди на дороге размазано что-то черное… нет, цветное. Кишки сочатся бурым, отсвечивают синим, клюв на бок, перья еще полны жизни – блестят. Ворона. Видимо, сбили недавно. А муравьи уже тут как тут – запеленговали, накинулись. А если я вот также упаду, и по мертвой роговице моего глаза заскользят муравьи – те, кто несется мимо в своих авто, остановятся? Или хотя бы позвонят гайцам, что, мол, на таком-то километре мужик валяется бесхозный? Только ведь поздно будет.

Так, не ныть! Не заметить меня на серой дороге невозможно, в такой-то кислотно-зеленой майке. Так что обязательно кто-нибудь остановится – люди же, не звери.

Который раз тянусь к телефону. Исходящей связи нет – сплошные помехи, будто кто хрипло смеется и кашляет в эфире. А насчет входящей не знаю, проверить не удается – ведь ни одна сука за день не позвонила! Как назло. А день будний, обычно с восьми утра уже телефон обрывают. Я, конечно, всех предупредил, что поеду прокатиться до Копьево, но что-то не верю в их деликатность. Дадут они отдохнуть, как же. Сорок раз бы уже позвонили: уточнить то, назначить се… Ну, и где вы все?

Только Светке я ничего не сказал про велопробег свой героический. Псих. Но ведь сорвала с резьбы ревностью своей! Дурочка…

Хватаюсь за эту мысль, чтобы не сползти окончательно в жару, удержать сознание. Да, вот так – как у Феллини: не надо никакого повествования, бросим все наши впечатления на монтажный стол! Может, цветной этот ворох поможет отвлечься, спрятаться от солнца в тень воспоминаний? О чем я думал? Да, когда мы познакомились… это как наваждение было, ей-богу. Она приходила и начинался полтергейст. Босоножки летели в угол, плащ падал на пол, платье текло сквозь пальцы. Вещи будто сами избавляли нас от себя, бежали сломя голову, стыдясь неуместности своей. Крючки, застежки – не существовало их. И каждый ее приход был каким-то вихрем, воронкой… бредом.

Потом мы искали сбежавшие пуговицы, заблудившийся поясок – сталкивались лбами, губами… и опять находили друг друга. Утомленная мною, она прощалась, а я подбирал пуговицы-сиротинки – зажав их в кулаке, было легче ждать новой встречи.

Яркая такая раскадровка… Но теперь милая моя бесится от ревности. Телефон ожил внезапно, я аж чуть его не выронил. Кто-то стучит ВКонтакт… Светка. Открыл сообщение – и жара вдруг сгустилась так, что я осел в пыль под ее давлением, толчками пропихивая в легкие злой раскаленный воздух. Посидел, продышался. В глазах двоилось, я едва разобрал на экране:

«Эгоист, дрянь, дурак! Как ты мог уйти, КАК?»

Ничего себе… Меня, блин, спасать в пору, а она там… Стоп! Может, сигнал появился? Я судорожно попробовал набрать номер – шорох, треск. Зловредные телефонные духи все

так же кашляли и смеялись в эфире: войти к ним можно, выйти нельзя – исходящей связи нет. Неизвестно на что надеясь, все же настучал, промахиваясь меж кнопок: «Свет, тормози, приеду – поговорим…» Как бы написать, чтоб не напугалась, а то ведь вообразит себе бог весть чего. Так как-то: «Велик сломался, я пешком, связи почти нет. Попроси Семеныча меня забрать, я под Копьево, семидесятый километр. Здесь жарко, очень».

И смайлик. Поссорились мы крепко, но Светка же не бросит меня – эгоиста и дурака – подыхать на жаре. Жму «отправить». На экране мигает колесико загрузки. Пекло… И как назло, по обочинам – ни кустика, ни тени, выжженная степь. Колесико крутится, крутится, гипнотизирует… Ну, давай же! Дает – во весь экран вырастает частоколом «Error» – и ничего за штакетинами этих букв не видно. Закрываю сообщение – и жара вдруг слегка отступает, словно устала давить. Встаю с трудом – не сидеть же, надо идти.

«Окно» над дорогой дрожит, манит влажной травой, прохладой… Разбежаться и нырнуть в него? Ага, разбежался. Доковылять бы. Но туда, видимо, доходяг не пускают, там бодрячки нужны, чтобы рыбкой – плюх! – и поплыл по зеленому морю тамошних «заоконных» лугов. Никому не нужны дрянные дураки, обижающие своих девушек и умирающие от жары на трассе. Ничего, я еще пошагаю, не дождетесь.

Бодрюсь, борюсь. Но солнце – живое. Оно потеет гудроном, звучит кузнечиками – мовью жителей вечного полдня. Кажется, хор их растет, накатывает, приближается. Приближается? Аллилуйя! На пустой трассе появляется машина – первая за последний час. Вскидываю руки, ору навстречу пыльному ГАЗику. Он проносится мимо метров на сто, начинает тормозить. Пытаюсь ускориться, но получается плохо: ноги ватные, дыханья нет. Ничего, последний рывок!

Из ГАЗика вытрюхивается толстый дядька. Лысина его отражает ухмылку солнца – кажется, сейчас отлетят от нее веселые солнечные зайцы, закружат хороводом по трассе. Водитель лениво смотрит в мою сторону, потом отворачивается к обочине, расстегивает ширинку и несколько секунд расслабленно взирает на раскинувшуюся перед ним степь. Так, словно ехал он издалека-долго вот только для того, чтобы растроганным взором повтыкать на окрестности и припомнить что-то вроде: «Поле, русское пооле… я твой тонкий колосок». Мужик, что хочешь делай – втыкай, пой, окропи все вокруг золотым дождем, но забери меня отсюда!

До машины метров двадцать. Водила встряхивает портки и неспешно скрывается в машине. Не верю глазам, крик прилип к гортани – хриплю, машу и, кажется, даже бегу… Падаю.

Сколько я так просидел в пыли? Мир вокруг выключили. Из полуобморока меня вырывает шум мотора. Еще машина?… Люди. Зубы стискиваю: «Ну, давай же, давай!» Поднимаю себя над дорогой. Автобус, междугородний. Такой не остановится. Упрямо тяну руку вверх. Горячая махина проносится мимо, обдав жарким порывом воздуха. Из раскрытого окна выпархивает коричневая бумажка, мечется над трассой, мчится ко мне. Мятый бумажный мотылек, жирно пахнущий только что съеденным беляшом, льнет к лицу. Резко сгибаюсь, едва сдержав рвотный позыв. Нельзя… и так обезвожен.

Сдохнуть… оказывается, просто. Комически, гротескно – на обочине в считанных километрах от города. Машины проносятся мимо, в нескольких шагах. Но до них так же, как до какого-нибудь спутника раскаленной этой планеты. Вот в чем ужас.

Лето Господне… Страх Господень – где ты видел такое лето, Господи? Чтоб солнце вызверилось и лилось раскаленно на землю – и ни тени, ни ветерка. Люди мчатся мимо – в прохладе, под музыку, обросшие блестящей скорлупой своих авто. За миллиметрами металла – огромный богатый мир: литература, философия, Большой коллайдер, Будда и Циолковский, громады нравственных понятий и бездны тех же падений. Люди – теплые, добрые. А меня среди них нет. Все, чего я удостоен – это жирная бумажка в лицо, харчок

цивилизации. Мчатся, не замечая. Дикость… Как же так? Я – когда-то малыш, потом школьник, студент, сейчас фотограф со своей раскрученной студией, планами, поездками и выставками… со Светкой моей глупой, любимой Светкой… Разве могу я сдохнуть вот так?

Телефон слабо копошится за пазухой. Может, мое сообщение все же прошло? Жара, жара… да что же это опять? Нажимаю на сообщение, а кажется, что какой-то тумблер перещелкиваю, как в сауне – градус сразу подскакивает. На экране дрожат и, кажется, плавятся строчки:

«Все думаю, зачем я тебе сдалась тогда? Катила себе на роликах, и катила бы – девочка с плеером, с веером. Нет, тебе надо было зацепить, как всех своих баб цепляешь: „Девушка, можно вас сфотографировать?“ И ведь ты с первых слов мне соврал, с первой минуты знакомства! Что ты сказал? „Будет не больно, обещаю“. И улыбка эта твоя… И вот ушел, а мне больно, сил нет… и никакой таблетки не придумали от этого… Врун».

И ты, любимая… Мир меня выплюнул, и даже ты…

Грудь давит, в легких тяжесть, будто песка насыпали. Нехороший признак, ох, нехороший. Останавливаюсь, растираю грудную клетку. Вдруг замечаю движение на дороге – в паре-тройке километров от меня какие-то люди. Откуда они здесь, ведь не было никого? Будто выскочили из каустического «окна». Сколько их – трое, пятеро? Не вижу, дрожащий от зноя воздух сбивает, обманывает. Похоже, это спортсмены – идут быстро, форма белая. Ну, точно, их, наверное, тренер подвез на точку – далековато от меня, я и не увидел, телефоном был занят. Надо догонять. Тренер наверняка где-то рядом на машине, да и вода у них, скорее всего, с собой есть. Мой бег уж наверняка быстрее их спортивной ходьбы, значит, должен догнать.

Оптимистичная эта мысль пропадает через пару десятков раскаленных метров. Легкие заходятся хрипом, пот течет по лицу, заползает в трещины на губах, жжет солью. Фигуры впереди плавятся в мареве – кажется, остановились?

Меня вдруг пробивает кашель, легкие распирает жаром. Накатывает паника – разом вспоминаются детские ночные приступы. Выдыхай, выдыхай же! И успокойся, возьми себя в руки… Как подавившаяся собака стою на четвереньках, выдавливая из груди воздух: раз, еще… и еще. У астматиков это называется дышать. В детстве… что делала мама, когда меня так накрывало? Гладила по спине, шептала, что все пройдет, открывала окошко. А сейчас меня гладит солнце, шепчет кузнечиками. Оно тоже открыло «окна» – вон, дрожат над дорогой, дразнят. Только ведь ни ветерка из них. Уйди, погасни… я сам… сейчас.

Сплевываю вязкую мокроту, кашель стихает. Я продышался, смог. А в следующий раз смогу?

Так, все серьезно. Долго не протяну, надо выбираться любым способом. Сам вряд ли дойду. Глупо-то как – вот же они, спортсмены – рукой подать! Да только ногами не дойти. Но надо пробовать потихоньку, они, кажется, по-прежнему стоят, будто ждут чего. Поднимаюсь, пытаясь выровнять качающуюся перед глазами дорогу. Стягиваю футболку, машу над головой – вдруг заметят. Упрямо бреду в их сторону.

Весёленькое «Та-там!» сообщения вклинивается в партитуру кузнечиков. На ходу читаю прыгающие строки:

«Сережа, я дура такая… Знаю, ты не ответишь – и все равно пишу, от отчаяния просто. И ругаюсь на тебя от отчаяния. Я спать боюсь. Глаза закрою – спину твою вижу, как ты развернулся и пошел – легкий, независимый. Лица не вижу. Почему я тебя не удержала? Не могу тебе не писать, не могу. Сережа, Рыжик, ответь…»

Как я хочу тебе ответить. Как я хочу на тебя наорать, встряхнуть, прижать к себе. Прижаться. Ты прохладная, наверняка ведь прохладная, как всегда в такую жару. Попытка набрать номер опять вызывает астматический кашель – теперь уже у телефонных духов. Они прокашливаются и снова радостно вопят: «Та-там!»

«Рыжик, не бросай меня – не бросай! Я все буду делать, все, что скажешь. Вернись. Подкалывать не буду, когда ты фотографируешь, даже на твою Джульетту Мазину стану откликаться. Она уродка, но ты говоришь, что она ангел с испачканной мордашкой, и что я на нее похожа, когда брови домиком. Пусть брови, я согласна… не уходи.

И ту фотосессию, как в «Дольче вите», в фонтане – пусть она будет. Я не стану больше ругаться – ты же помешан на своих итальянцах, я их тоже почти полюбила, честно. В какой хочешь фонтан залезу, даже без одежды – как скажешь. Не уходи, Рыж».

Девочка моя, что ты себе там накрутила? Я подыхаю здесь, но все сделаю, чтоб вернуться. Не брошу, глупая. К тебе хочу – уже иду, только добрести до этих спортсме…

Да что ж это? Группа вдруг оказывается так далеко, что едва различаю их белую форму. Когда успели, я же отвлекся всего на два сообщения? Ускоряюсь, стараясь дышать ровно – шаг, десять, двадцать. Фигуры приближаются – ну, еще, еще!

«Та-там!»

«Не хочу любить. Не могу тебя не любить. Люблю. Странное слово, ты замечал? Лю. Б. Лю. Два мягких „лю“, а посередине кошмаром каким-то – „Б“. Больно любить. Да… Это же в самом слове зашито… Опять долблюсь в твой аккаунт. Вот так поговорю с тобой – и чуть легче. Ты молчишь».

Поднимаю взгляд от экрана – впереди по-прежнему дорога. И ни ду-ши… Злость вдруг сдавливает виски, я с размаху грохаю телефон, он падает в траву у обочины, поднимая облако пыли. Где спортсмены? Забрал тренер, пока я читал Светкины «люблю»? Злость сменяется паникой. Последний шанс… Последний?

Есть одна мысль, но… Просто выйти и ждать посреди дороги. Машины здесь летят со скоростью сто – сто двадцать километров в час. Тормозной путь, правда, небольшой. Авось, не собьют. А если собьют? Хороший выбор: сдохнуть от теплового удара или под колесами авто. Но надо попытаться – других вариантов выбраться, похоже, нет.

Прислушиваюсь, жду моторного гула. Но вместо него только робкий писк телефона из придорожных лопухов. Надо же, выжил. Поднимаю его, осматриваю – боевой шрам-трещина во весь экран. Не читая сообщений, пихаю мобильник в карман, надеваю футболку. И иду – надо идти, пока не услышу шорох шин моего избавителя. Какова цена избавления – другой вопрос, а результат один – жарко мне уже не будет.

Шаг, другой. И еще шаг. «Та-там» сообщений падают в пыль и остаются в ней. Все потом, потом… Уговариваю себя, что надо шагать, потихоньку. Шаг, еще… Смотрю только вперед. Ветра нет, но где-то же он есть? Оглаживает холмы, они льнут к его ладоням, трутся, как большие кошки, подставляя круглые головы. Ложатся под него, готовые менять своё «я» под его нажимом. Величественные холмы величественны только для смертных. Ветер играет ими. Но сегодня ветра нет. Солнце съело великана.

Далеко над линией горизонта в белом слепом небе парят, орлуют два орла. Крылья их – ловушки ветра, они купаются в пойманных его струях, плывут в них, а утомившись, ложатся на воздушный поток. Свободны, потому и жара их не давит. А я приколочен солнцем к земле. И дорога эта – шар чугунный на цепочке, тянется за ногами. Шаг, и еще…

В кармане опять пищит телефон. Останавливаюсь – надо передохнуть. Достаю мобильник, открываю письмо – и снова солнце придавливает меня шершавой рукой. Сквозь пелену и жар с экрана наступает бредовое, бредущее вкривь и вкось:

«Я совсем одна. Одна одна однаоднаоднаоднаодна…»

Кликом схлопываю этот стон. Кажется, вырвись он – размажет по гудрону. Белое пятно экрана и адов этот полдень слились вдруг… сговорились. Прячу телефон. Жара тут же спадает с плеч задубелым свалявшимся одеялом – не совсем, нет, но становится чуть легче. Света, Светик мой, не пиши… Это пекло словно ждет твоих сообщений, чтоб навалиться, подмять.

Где-то вдалеке, в дрожании воздуха прорастает звук. Или я его придумал? Нет, кажется, музыка… шум мотора в ней едва слышен. Уже можно разобрать обрывки русского рэпа:

Другие берега, его… надежды,

Глаза людей, … руки весны,

Теплая кожа, взгляды.

…между строк – боли больше не надо.

Боли не надо. Но, может, все обойдется? Вот эта синяя «Хонда» сейчас плавно остановится в пяти – нет, лучше в трех метрах, выскочат из нее бритые ребята, подхватят меня, оседающего в пыль, и я наконец окунусь в холодок салона… Спасенье в стиле рэп – и пусть, рэп для меня сейчас лучшая музыка в мире! Только остановись!

Выдыхаю, встаю на середине дороги, как чучело – руки в стороны. Музыка ближе, громче. Машу, хриплю что-то.

Вот уже различаю номер…

вот – водителя и пассажиров…

вот – трепещущее тельце стрекозы в решетке радиатора

– радужные переломанные крылья…

Меня обдувает горячим потоком. Зажмуриваюсь…

Все тот же рэп – за спиной. Что?!!

Что произошло? Машина вильнула в сторону? Музыка отдаляется, глохнет в полуденном мареве. И снова – только кузнечики. Плачу от бессилья, ярости – без слез, их нет. Люди, вы что? Вы – люди? Промчались мимо, балдея, будто я – не человек – лепешка коровья. Мир сгнил, если можно бросить человека подыхать на трассе… вот так. Просто объехав, чтоб не мыть потом машину от ошметков… ошметков меня?

Не ве-рю. Не верю, чтобы все – мимо! Будут еще машины, будут! Надо только дождаться. Кто-нибудь остановится. Опускаюсь на дорогу, прямо на разделительную. Я врасту в этот асфальт, я пущу корни и птицы будут вить гнезда у меня на плечах. Гнезда будут похожи на лохматые эполеты. Генерал семидесятого километра. Но я дождусь. Шепчу это через трещины на губах, будто молитву – дождусь, дождусь, до-ж-д… Дождя бы… Ну, не может живой человек в одночасье стать лишним для всех!

«Та-дам» сигнала падает тяжелой каплей. Нет, я не лишний! Милая моя…

«Все, не буду больше, не должна это писать… Перестать с тобой все время разговаривать, я с ума схожу! Уже девять дней, поминки вечером. Мама твоя так постарела, Сереж… А того урода, что тебя сбил и бросил, не нашли. Говорят, след от протектора широкий – большая машина. Надо отпустить, надо как-то жить. Ты мертв. А у меня ладони до сих пор холодные от твоих пальцев, я их так сжимала на кладбище. Наверное, согреть хотела… не помню. Люблю тебя, Рыжик мой».

Порыв ветра ударил в лицо. Воздух. Застрял. В гортани…

Звуки выцвели и даже ярость солнечного света – словно сквозь фильтры.

Земля качается, прогибается чашей, кажется, выплеснет меня. Или я качаюсь? Бросаю взгляд, как якорь – цепляюсь им за давно известное, привычное, чтоб не смыло. Руки мои… Пристально гляжу в собственные ладони, будто там кто-то умный оставил мне записку, объяснил в ней, что же, черт возьми, происходит! Надо только суметь прочесть все эти черточки, кресты, линии… Линия жизни. Мама говорила, длиннее не бывает.

Знаки на ладони тускнеют, плывут. Память – будто включили! – запоздало прокручивает последние кадры хроники: мощная волна горячего воздуха от проходящего КАМАЗа, овраг… железная арматурина – сквозь легкие… на губах пузырится что-то… небо перед глазами – белое. Я вдруг разом поверил.

Я не лишний, я…

Но ты звала, тянула к себе. Сквозь жар, небытие, сквозь гигабайты мертвого моего профиля. Это мука такая…

Пью налетевший ветер – не могу им напиться.

Одноклассники, Фейсбуки, Вконтакты… Не стучите в мертвые аккаунты! Дайте уйти, не пишите! Забудьте… пожалуйста. Этот полдень вечный, солнце – ненавижу его! Воздух над дорогой дрожит, идет волной, совсем близко. И где-то, в глубине этого «окна» – фигуры в белом, те самые. Встречают? У ног их дышит влажная трава. Мне надо… туда. Не пишите!

Бросаю телефон на дорогу.

Еще шаг…

«Та-там!»

Запретное искусство
Реваз Качарава

1

Мэр, что так таинственно исчез пару недель назад, появился на улицах города с головы до ног измазанный в дерьме. Он шёл, шатаясь, что-то бубнил себе под нос и привычно поправлял жидкие волосы на лысеющем лбу. Люди узнавали его, удивлённо смеялись и шли следом.

– А я всегда говорил, что как человек он дерьмо!

– Мама, смотри, человек-какашка!

– Боже, Боже, что же это такое творится?

Наперебой кричали разные голоса, которых становилось всё больше.

Мэр замер на центральной площади, возле длинной деревянной сцены с виселицами и гильотинами, и упал на колени. Люди обступили его со всех сторон. Воздух заполнился гулом, как на воскресном рынке в разгар дня. Высокие детские голоса время от времени выпрыгивали из монотонного гомона.

Мэр заткнул уши руками и начал кивать головой, словно в такт музыке. Лицо его было сосредоточенным и серьёзным.

Рассеялась утренняя прохлада и слепящие лучи майского солнца устремились к отполированной тысячами шагов дорожной плитке. Атмосфера становилась праздничной – никто не любил мэра, и всеобщее злорадство соединяло людей в одно огромное бесформенное существо, которое сейчас торжествовало и радовалось беде врага. Полицейские в строгой чёрной форме протискивались в тело этого существа, выслушивая насмешки и оскорбления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.